

Кира
Тигрис

Последняя_ Сказка

фантастика
&
фэнтези
&
сказка

Последняя сказка

Летоисчисление на Земле перевалило за три тысячи лет, после последней и самой разрушительной войны минуло не более пятидесяти, вся планета превратилась в обугленную безжизненную пустыню. Огромными черными термитниками стоят гигантские города, где доживают последние осколки некогда великой разумной цивилизации. Люди питаются таблетками, вживляют в голову информационные чипы, стирают память, клонируют сами себя и верят в то, что другой жизни нет...

А где-то есть планета грез –
Там слышен смех, не видно слез!
Журчат там реки и поют леса,
Драконы реют в небесах!
В пещерах – орки, эльфы средь полей,
Принцессы – в замках королей!
И троллей столько, что не влезли в книжку,
О том, как в этот дивный рай
Принес корабль с Земли мальчишку...

Внимание! При прочтении возможно спонтанное повышение настроения, улучшение самочувствия и увеличение работоспособности! Добро пожаловать! Просто переверните страницу...

Оглавление

Глава первая, про осколки будущего. Побег из дома	4
Глава вторая, жизнь продолжается. Внезапно	14
Глава третья, про первый ужин. Знакомство с местными	24
Глава четвертая, экскурс в историю. В плену легенд	34
Глава пятая, вечеринка продолжается. Звонок другу	50
Глава шестая, утро добрым не бывает. Командировка в центр.....	54
Глава седьмая, рекламная акция от джинна. Дубовое счастье	62
Глава восьмая, про внезапный тихий час. Беспокойство в покоех	70
Глава девятая, за огненными воротами. Живая вода	80
Глава десятая, бой не окончен. Последняя сказка	92

Глава первая, про осколки будущего. Побег из дома

Бесконечное звездное небо величиной в миллиарды световых лет раскинулось сотнями тысяч галактик и миллионами звезд. Пестрые газовые туманности, чарующие своим загадочным светом, галактики, словно волшебные мистические миры, неугасающие соцветия звезд и искорки-астероиды проносились мимо со страшной скоростью.

Маленький космический корабль – кусок металла и пластика, напичканный электроникой, уносился вглубь космоса, как щепка в бездонный океан. Одноместный, размером с небольшую комнату, он нес в себе осколок огромной разумной цивилизации, одновременно великой и ужасной – человека. Его биологический возраст составлял около семнадцати, при этом он выглядел на все двадцать, но реально ему было не более семи земных лет.

Буквально на днях человечество отпраздновало трехтысячную годовщину своего существования, с самой последней и потому самой страшной мировой войны минуло не более пятидесяти лет.

Как быстро маленькая голубая планета, некогда живая и прекрасная, превратилась в потрепанный ржавый кусок, трещащий по черным швам. Океаны высохли, зеленые леса превратились в выжженные пустыни, среди них стоят огромные светящиеся металлические термитники – современные мегаполисы, внутри которых догорают последние очаги биологической жизни.

Гневно смотрит на Землю раскаленное Солнце – оно теперь гораздо ближе и жарче. Но жадным людям слишком мало его света, тепла и энергии. В космосе, недалеко от их опаленной планеты, стоит гигантское зеркало, непрерывно отражающее яркие солнечные лучи для вечных нужд землян.

Луна теперь дорогой курорт, как когда-то Майами или Ибица. Она больше не отражает свет, а сама горит «вторым солнцем» разноцветными огнями реклам, маня к себе бесконечных туристов, бизнесменов и менеджеров.

Количество земного населения, перед этим изрядно почищенное войной, перевалило за десять миллиардов, не удивительно, но и луна теперь оказалась почти перенаселенной. Традиционные имена и фамилии стали неудобны в использовании, за что были тут же упразднены и забыты, их заменили длинные уникальные номера.

Юного пассажира миниатюрного корабля, манимого к неведомым звездам, звали просто Двадцатый, по последним цифрам его уникального номера. Затеянный среди мигающих панелей управления, которые он успел выучить наизусть, мальчишка был крепко пристегнут к единственному в кабине креслу десятком ремней безопасности и жизнеобеспечения. Пассажир и капитан в одном лице, он был одет в красивый черный облегающий костюм, с сотнями вшитых датчиков и детекторов, рядом с ним стоял цветной огромный шлем – единственный головной убор на все случаи жизни.

Худой и маленький, словно специально разработанное дополнение для своего компактного корабля, который одновременно служил ему и транспортом, и домом, и другом, и семьей, паренек все сильнее вжимался в удобное кресло не то от гравитации, не то от страха.

Серые с металлическим блеском волосы торчали в разные стороны непослушным ершиком с того самого дня, как их первый, и единственный раз причесали перед выходом из инкубатора. Большие кислотно-зеленые глаза наивно смотрели в лобовое стекло с восторгом, интересом и, все больше, с ужасом. Мало что человеческого осталось в «человеке», волосы – тончайшие солнечные батареи, глаза – экраны миникомпьютера.

Металлический голос системы громко поздравил его с седьмым днем рождения, в качестве подарка откупорив новый кислородный баллон, больше ничего не случилось.

У Двадцатого была особая традиция по поводу всех этих праздников – не отмечать их. Собственно, когда он не мог сказать конкретно, что же такое «день рождения» и, тем более, никогда не догадывался о подарках. У него не было ни родителей, ни дядь и тетей, ни бабушек и дедушек, ни кошек и собак, ни друзей. Семь лет назад, в этот самый день он, как и тысячи остальных мальчишек и девчонок, покинул один из самых больших и современных инкубаторов в Тритоне, огромном могучем мегаполисе. Выглядел он тогда совершенно так же, как и сейчас, только глаза были ярче, а взгляд наивней и чище. Хорошо сохранился и ни на сантиметр не вырос.

Тритон – весьма странное название для крупного перенаселенного города – на самом деле его именем был многозначный код с информацией о популяции, местонахождении и порядковым номером – три. Так и получился Тритон средний между Двутонном и Четвертоном, и название ящерицы тут не причем – вот уже пятьдесят лет, как на Земле не было замечено ни одного земноводного.

– Макс! – обратился паренек в холодную пустоту электроники, его голос звонкий, но резкий, – включи музыку!

Тут же послышался набор непонятных синтетических звуков, космических и мертвых, соединенных между собой монотонными ударами басов. Двадцатый довольно закивал головой, стараясь попадать в такт, но, буквально через несколько кивков, ему надоело, и он громко скомандовал в потолок:

– А поживее можно!

И пустота повиновалась – электронные звуки понеслись быстрее, басы стали громче и чаще, изменился общий порядок и даже тональность. Теперь юный капитан был абсолютно доволен «музыкальным» сопровождением своего

полета. Его стереосистема была отнюдь не самой новой, но довольно пригодной для компьютерной генерации музыки согласно настроению хозяина.

На Земле давно исчезли такие совершенно непонятные и потому ненужные профессии, как поэт, музыкант, композитор и певец – звуки, похожие на музыку генерировали тысячи стереосистем, и потому ни одна мелодия не проникала в человеческое сердце, а, следовательно, никогда не повторялась дважды. Громче, тише, быстрее, медленнее – все это зависело от настроения слушателя и менялось простой голосовой командой.

Полным именем маленького капитана было десятизначное число, содержащее о нем все сведения – место и дата рождения, происхождение, статус, образование и, самое главное – назначение. Родился он, как и миллионы других подростков в инкубаторе мегаполиса Тритон, где выращивался до своего совершеннолетия – семнадцатилетнего возраста в течение двух лет. Отличная новая система, позволяющая избежать такую «ненужную» и «устаревшую» стадию развития, как детство.

Образованием служил чип категории 7Б, вживленный в мозг на прошлой неделе – он содержал жизненно необходимую информацию о Земле, языке и законах государства, где родился Двадцатый. Зачем знать о том, что когда-то было, но уже больше никогда не случиться? Теперь на Земле никто не знал, как выглядит дерево, не помнил журчания рек, и понятия не имел, что такое бабочка. Все просто и ясно, а главное – ничего лишнего и индивидуального.

Чип был вживлен у основания головы, ниже под огромным красным шрамом находилась черная татуировка десятизначного числа – уникальный номер, заканчивавшийся цифрой 20. Назначение у Двадцатого было довольно прозаическое – собирать мусор в Тритоне, прикреплять несколько огромных контейнеров к своему крохотному кораблю увозить как можно дальше в космос, единственное требование – чтобы отходы не могли вернуться обратно.

Вот уже два месяца парень жил размеренной жизнью обычного земного подростка, родившегося в трудное послевоенное, но «счастливое» мирное время – он был зарегистрирован в глобальной социальной сети, ежедневно получал от работодателя кров в виде места на городской парковке и суточной нормы топлива для своего корабля, новую одежду, пять литров дистиллированной воды на сутки, и с десятков разноцветных крупных и мелких таблеток – самая распространенная земная пища. В зависимости от стоимости, одной хватало на три-четыре часа.

Надолго покидая родную планету, Двадцатый так ни разу не обернулся, чтобы последний раз увидеть оставленный дом. Зеленые усталые глаза под черными густыми ресницами с тоской уставились на радар, большой плоский экран, материализовавшийся перед его носом в воздухе. Там прыгали, мерцали и сияли различные светящиеся точки, значение которых порой не понимал и сам капитан.

Впереди, прямо на него, неся приличный, размером почти с его корабль, астероид, оставляя за собой небольшой, но красивый разноцветный шлейф из блестящей космической пыли. Двадцатый, желая избежать столкновения, резко увел корабль в сторону и каково же было его удивление, когда астероид, словно живой, тут же отпрянул в противоположную. Каменная глыба будто знала о человеке внутри маленького корабля и не хотела с ним связываться. Парень удивленно поднял брови вверх – это отклонение закона гравитации или на его корабле строит система, отпугивающая астероиды?

Дело в том, что это был не просто огромный камень, гуляющий в космосе – это был осколок планеты, некогда живой и прекрасной. Именно там зародилось человечество, окрепла и расцвела самая прекрасная и сильная цивилизация в Солнечной системе. Но, чем сильнее и мощнее становилось людское племя, тем теснее им казался свет и скучнее мир – вскоре разразилась чудовищная война без причин и конца, она стерла с лица космоса, словно соленую слезу,

древнюю могучую цивилизацию, мощнейший взрыв разорвал на части некогда прекрасную живую планету.

Лишь два корабля успели вырваться из ада и без оглядки оставить разрушенный дом. Один из них нашел Землю, другой же навсегда покинув Солнечную систему, отправился искать счастья за мотнями световых лет. В Тритоне поговаривали, что второй корабль нашел другую маленькую планету, живую и прекрасную сестрицу Земли. Ее называли Неливерия, в честь капитана Неливера, прибывшего на корабле.

– Макс! – громко позвал Двадцатый, не сводя взгляда с маленькой красной точки на радаре, преследовавшей такую же синюю, – прибавь ходу!

– Капитан, в этом квадрате действует ограничение скорости! – раздался машинный голос системы, холодный и монотонный, он заменял ему материнский.

– Включить ускоритель, Макс! – сердился Двадцатый, все-таки ему уже семь и он капитан.

– Справа по курсу судно класса ЗХ! – громко возразила система, как обычно, безо всякой интонации.

Двадцатый уставился в лобовое стекло на быстро приближавшуюся светящуюся точку. Через секунду она превратилась в большой красивый корабль, мерцающий сотнями огней. Красавец шел на огромной скорости, и в следующий миг исчез в просторах космоса, словно искорка растворилась в тумане.

Парень с восторгом затаил дыхание, продолжая пяtilся на пустое пространство среди мерцающих звезд. Встречный корабль двигался к Земле, большой, дорогой и роскошный, он явно вез с собой каких-нибудь «высокопоставленных шишек», знающих, что такое кровать и помнящих вкус оливье.

Это был первый раз, когда парень невольно обернулся в сторону родной планеты, столь развитой и несчастной.

Земля, куда же ты несешься? В безмолвном космосе среди холодных падающих звезд перед не гаснувшим оком всевидящего Солнца! Кто разогнал тебя по заданной орбите? За что тебе досталась столь тяжкая ноша, как человек?

Возможно, чтобы ответить на эти вопросы нужно вживить себе чип следующего уровня – 7К, это будут уже знания института, немного истории и политики. Чем больше информации, тем дороже чип – хочешь быть умнее, плати.

У Двадцатого же не было денег ни на салат оливье, ни на обучение, и, соответственно, без продвинутых чипов он не мог перейти на более оплачиваемую работу. Это был замкнутый круг – такие, как он, были обречены собирать мусор всю свою жизнь, серую и однообразную, где каждый новый день, словно черно-белая ксерокопия вчерашнего.

Поэтому он ей не особо дорожил – ни родных, ни друзей, ни дома! Его ничего не держало на Земле, и потому он так легко с ней расстался, согласился участвовать в этой безумной нелегальной гонке на выживание – счастливчик получит сем тысяч электронных баллов. Их нельзя пощупать и нельзя увидеть, но на них не только можно будет вживить дополнительный чип, получить новую работу, но и купить другой современный корабль. В этом случае старый одноместный, на котором Двадцатый планировал заполучить свою победу, отправится в металлолом вместе с системой по имени Макс.

Новенький чип, стоящий в голове у паренька содержал колоссальный по современным меркам объем информации – о всех типах отходов, о карте тысяч космических свалок, универсальный международный язык, знания о законах и титулах, о правах и обязанностях.

Но, увы, ни слова о доброте и справедливости! О том, что такое любовь и дружба, честь и сострадание Двадцатый не узнает никогда до последнего своего дня, когда он, как и миллионы других, будет утилизирован, словно мусор.

Увы, эти уроки он должен брать у самой жизни, превратившейся для него в вечный бесконечный экзамен, жестокий и суровый.

Жизнь привыкла постоянно спрашивать, и, при этом, совершенно не давать советов. И, вот, свой самый первый серьезный урок Двадцатый получил прямо здесь, в космосе, среди звезд.

– Входящий вызов! – объявила система, и тут же безо всякого согласия своего юного капитана на экране появился лысый мужчина средних лет, одетый в зеленую униформу, у него хватало заработка, чтоб совсем отказаться от солнечной батареи в виде волос, – вызывает Господин Сорок Седьмой!

– Двадцатый! Где тебя носит?! – раздраженно закричал лысый, его холодные голубые глаза сверкали злобой ярче звезд, – вернись на базу С4, ты должен утилизировать три контейнера!

– Я..да, господин Сорок Седьмой! – промямлил паренек, виновато отводя глаза в сторону, он плохо умел врать, – я сейчас буду!

– Разворачивайся немедленно, ошибка системы, или я тебя утилизирую! Ты сегодня оштрафован на сто баллов! – хрипел его начальник, – и сбавь скорость! Ты..

Экран внезапно потух и растворился в воздухе – Двадцатый первый раз в своей недолгой жизни оборвал связь без разрешения. Но вместо того, чтобы развернуться к Земле, он надел большой разноцветный шлем, первый раз чувствуя себя таким беспомощным и уязвимым, и велел системе увеличить скорость вдвое.

Шлем был не простой – словно шапка-невидимка, он блокировал сигнал о местонахождении Двадцатого, исходящий из датчика в чипе, установленного у него в голове. Сорок Седьмой был в бешенстве, такого еще никогда не было – с его карты исчезла точка, показывающая положение одного из его подчиненных, которому, вдобавок, он теперь не мог дозвониться.

Вот и все – парень сжег последний мост, соединяющий его с Землей – теперь у него нет работы, через пару секунд на него будет объявлена охота на поражение, и за побег он, скорее всего, заплатит жизнью. У него заберут корабль,

вытащат чип, после чего полностью сотрут память. Если только он выиграет гонку, не разобьется и выживет без воды и топлива – в этом случае он сможет заплатить штраф и выкупить свою свободу. Невидимые электронные баллы сегодня решали все.

В каюте раздался громкий треск – система зафиксировала поступление сигнала SOS, где-то совсем недалеко. На экране, где только что мерцала карта звездного неба появился мальчишка, примерно одного возраста с Двадцатым, его юное лицо с ярко малиновыми волосами и наивными голубыми глазами, было сильно искажено отчаянием и ужасом.

– Двадцатый! Притормози! – молил очередной участник гонки, глаза лихорадочно бегали по экрану, – у меня кончается кислород! Одолжи мне пару литров!

– Третий, ты о чем думал раньше? – следовал ответ, – я на четверть минуты впереди тебя!

– Сбрось скорость, брат! Потом я дам тебе фору!

– Брат?

– Да, брат! – повторил Третий, – мы из одного инкубатора! Я старше тебя всего на четыре часа!

У Двадцатого на лбу выступил холодный пот, и хоть он понятия не имел, что значит это «волшебное слово», но шепотом приказал Максу сбросить скорость.

Роковая непоправимая ошибка – его маленький корабль ощутил сильнейший толчок и бешено закрутился в пространстве вокруг своей оси – Третий и не думал останавливаться, он лишь резко ускорился, сбив с курса впереди идущий корабль соперника.

– Прощай, неудачник! – громко смеялся на экране жестокий «брат», только что продавший душу за невидимые баллы, – тебе никогда не быть первым! Ты будешь вечно возить мусор, ошибка системы!

Двадцатый стиснул зубы от боли и обиды – эта ошибка стоила ему жизни, теперь он не придет к финишу даже в тройке лидеров. Первый раз в жизни он плакал, зажавшись в кресло и глядя сквозь слезы, как мимо проносились сотни светящихся точек – все корабли соперников были теперь впереди! Гонка кончена, собственно, как и жизнь... Зря волнуется система, тщетно пытаюсь выровнять курс, через пару часов у нее будет новый капитан.

Двадцатый снял шлем, по щекам побежали соленые ручьи, он опустил руки, позволяя инерции все дальше и дальше уносить свой корабль в неизвестном направлении.

– Капитан! Мы сбились с курса! – даже металлический голос Макса был взволнован, – я не могу стабилизировать положение!

– Какая разница, Макс? – буркнул Двадцатый, – отдыхай! Нам некуда больше спешить! Никто нигде не ждет, ничто нигде не держит!

Внезапно его скорость возросла в десятки раз, какая-то неведомая сила, словно океан щепку, манила маленький корабль к себе. Сердце Двадцатого бешено заколотилось, во рту пересохло – он вдруг понял, что, быть может, все его проблемы решаемы, кроме той, что сейчас он попал в поле сильнейшей гравитации и его корабль несется на чудовищной скорости к неизвестной светящейся туманности.

– Макс, разверни корабль! – закричал он, очнувшись.

– Невозможно, капитан!

– Включи полную скорость!

– Невозможно, капитан!

– Я хочу жить! – задыхался Двадцатый, его руки нервно бегали по панели управления, – хотя бы пару часов...

– Невозможно, капитан!

Последнее, что он видел, была яркая вспышка света, затем что-то больно ударило его по голове, в глазах заплескали звезды сразу всех галактик, и паренек потерял сознание.

Глава вторая, жизнь продолжается. Внезапно

Очнулся он от удушья, в кабине было очень жарко, душно и темно – система жизнеобеспечения находилась на последнем издыхании. Двадцатый закашлялся и в крошечной тьме принялся себя ощупывать – вроде цел, только порваны ремни безопасности и справа на лбу огромная шишка.

– Макс! – позвал он шепотом, вглядываясь в темноту, на искореженной панели мерцала пара лампочек, – Макс... где мы?

– Неизвестная планета, капитан... – прохрипела система, растягивая слова, – аккумулятор на нуле, мы не смогли преодолеть гравитацию...

– Мы утилизированы? – спросил Двадцатый испуганным шепотом, подразумевая «мы мертвы».

– Нет еще... Ты жив, а у меня села батарея, – голос системы становился все тише и тише, – снаружи обнаружена атмосфера с избытком кислорода, но пригодна для дыхания, и масса биологических веществ... Возможно... жизнь... есть...

Это были последние слова Макса, после чего система затихла до следующей минимальной зарядки аккумулятора – то есть до лучших времен.

Двадцатый тяжело вздохнул и на ощупь нажал кнопку на панели управления – кабина озарилась ярким светом, будто солнечным, – это открылась створка лобового стекла. Паренек припал носом к иллюминатору, словно окну, за которым открывался самый удивительный и прекрасный мир во вселенной.

Свежая сочная зелень деревьев, кустарников и травы, изумрудная в вечернем солнечном свете приятно радовала глаз. Это был густой смешанный лес, прекрасный и нетронутый, словно тысячи лет назад на Земле...

Двадцатый снова закашлялся, в кабине заканчивался кислород, надо было срочно что-то делать. Он осторожно достал из кармана своего костюма две небольшие таблетки, красного и зеленого цвета – последний свой ужин.

– Я не протяну тут долго, – вздохнул он и положил в рот зеленую таблетку, безвкусную, но питательную. Парнишка был взволнован и голоден, а она оказалась ему по размерам больше, чем красная.

С этими словами он надел помятый шлем, повесил за плечи баллон со сжатым воздухом и вручную, с третьего раза, открыл дверь своего мертвого корабля. Ослепленный солнечным светом и оглушенный птичьим пением он сделал робкий первый шаг навстречу новому миру, оставив за плечами все свои страхи и старую жизнь.

Тут он снова стал задыхаться – баллоны с воздухом были почти пусты, он их так часто использовал. Беспомощно хватаясь руками за шлем, он сделал несколько шагов вперед и упал без сознания. Новый мир кружился и плясал в его закрывающихся глазах, сам не зная, какого гостя приветствовал...

Через полчаса землянин чуть-чуть приоткрыл свои зеленые глаза, и, вдруг, тут же широко распахнул их, зрачки расширились, сердце отчаянно застучало.

Он лежал среди цветов на небольшой поляне в лесу, рядом валялся его шлем, а сзади, как прежде, стоял корабль. Светило заходящее, точь-в-точь как земное, солнце, пели птицы, над распластавшимся на траве пареньком кружили разноцветные бабочки, в вышине по безупречно голубому небу проплывали пушистые белые облака. Слишком красиво и безмятежно для реальности, так мило и приятно глазу...

Двадцатый вспомнил свое родное земное небо, серое от газов и пыли, и огромные разноцветные тучи. Желтые, красные, синие они принадлежали раз-

личным корпорациям, поделившим между собой власть над погодой, облака всегда шли строго по расписанию в назначенную для них область. Здесь же они были дикими, ничейными и в то же время общими, и словно стадо загадочных белогривых лошадок, гуляли сами по себе, подвластные лишь легкому ветерку.

По его худому бледному лицу пробежала слабая улыбка, Двадцатый, впервые в жизни, зажмурился от удовольствия – должно быть, утилизация прошла успешно.

Вдруг, над его головой раздалось пронзительное «дзынь-дзынь-дзынь», словно дюжина крохотных колокольчиков, сладких и мелодичных, соревновалась в своей звонкости. Парень осторожно приподнял голову – вокруг него, на земле, траве и в воздухе было не меньше десятка маленьких, размером не больше ладони, человечков. У всех до единого за спиной трепетали тонкие легкие крылышки, переливающиеся в лучах солнца, словно у бабочек, и нарядные красочные костюмы, искусно сотканые из листьев и цветов.

– Галлюцинации! – подумал про себя Двадцатый и крепко зажмурившись, снова открыл глаза, – сильнее... и так много!

В этот момент одна, самая смелая и наглая из «галлюцинаций», в виде миниатюрного рыжеволосого мальчишки в изумрудном костюмчике, подкралась к его носу и задорно щелкнула по нему правой крохотной ручонкой, заливаясь громким мелодичным смехом. Такого хамства Двадцатый никак не ожидал, он молниеносно схватил «галлюцинацию» своей правой рукой, крепко сжав малыша в своем кулаке. Остальные испуганно звеня, тут же бросились в рассыпную, исчезая в траве и листьях яркими разноцветными звездочками.

– Возможно, слишком сильная радиация... – пробурчал себе под нос Двадцатый, вставая на ноги и направляясь к своему кораблю. По пути он поднял с земли небольшой камень и наугад сорвал цветок с красными лепестками.

Плотно закрыв за собой дверь, Двадцатый выпустил человечка на кресло – тот скорчившись от боли, не сделал и шага – правое хрупкое крылышко было

сломано. Жалея, что Макс сейчас абсолютно бесполезен, и благодаря судьбу за пригодную для жизни атмосферу, юный землянин открыл дверцу в какую-то прямоугольную камеру, размером с микроволновку, и швырнул туда камень.

Послышался странный гул, камера вспыхнула голубоватым светом, после чего на маленьком экране рядом высветилась мерцающая надпись. Она подробно рассказывала о составе и происхождении вещества.

– Минерал! – прочитал Двадцатый, не особо понимая значение этого слова, и снова открыл камеру. Внутри нее лежал серый порошок – прибор расщеплял тестируемые объекты до молекул, превращая все в пепел. Затем, таким же методом был исследован цветок, который оказался полностью из органических веществ и был определен, как примитивное создание способное к жизни.

Двадцатый озадаченно почесал свой серебристый затылок, ни сколько не сожалея о содеянном, и схватил маленького человечка, – теперь твоя очередь, приятель!

Послышался отчаянный громкий звон маленького колокольчика – эльф хотел жить, но человек не понимал ни слова. Он быстро открыл дверцу камеры, бросил туда свою последнюю жертву, плотно закрыл и потянулся к кнопке старта.

Но тут, неожиданно, дверь в кабину корабля распахнулась, и внутрь влетело странное зеленое лопоухое существо с большим крючковатым носом, одетое в разноцветное тряпье. Заметив внутри испуганного паренька, непрощенный гость громко пискнул от удивления и с интересом принялся его разглядывать, хлопая своими огромными темно-кариими глазами.

Двадцатый застыл на месте, слушая свое тяжелое дыхание и громкий стук сердца – на корабле совсем не было оружия. В темноте он разглядел зеленую кожу, острые клыки, высовывавшиеся из поджатых губ, огромные уши с золотыми серьгами, пестрый халат, подвязанный тонким ремешком, босые ноги с грязными когтями и кожаную котомку за плечами. Гость вежливо улыбнулся,

отвесил приветливый поклон и что-то залепетал на своем скрипучем непонятном языке.

– День светлый, добрый молодец! Пусть не светлы твои палаты, но чуден, дивен твой костюм – не вижу ни одной заплаты! Какая ткань, какой покров!

Двадцатый уставился на гоблина широко открытыми глазами, полными ужаса – местная полиция, он не понимал ни слова и искал любой предмет потяжелее, дабы швырнуть в незваного гостя, нагло вторгшегося на частную собственность.

– Заплат и швов не видно, и пояс тут совсем не нужен! Однако есть один изъян – костюм купил не у меня!

Тут Двадцатый не выдержал, и громко вскрикнув, швырнул в торговца своей перчаткой.

– Гонят опять! Снова мне не рады! Возможно, его я вижу не впервые! Меня узнал он, скорей всего, я что-нибудь ему уже продал! – вскрикнул гоблин и вылетел на улицу, голая что-то про гостеприимство и вежливость.

Двадцатый тихонько осторожно подошел к приоткрытой двери и выглянул наружу – наглой зеленой формы новой жизни и след простыл, только лес шумел в лучах заходящего солнца. Паренек зевнул и медленно вышел из корабля, быстро озираясь по сторонам, ожидая удара лазером, у него было такое чувство, будто за ним постоянно следят снайперы местной полиции.

И точно – из-за толстого дерева, треща ломающимися ветками, вышли две громадных толстых ноги, облаченные в коричневые кожаные штаны с широким ремнем, украшенным огромной золотой пряжкой в виде солнца. На поясе висели дорогие, окованные серебром ножны с тяжелым исполинским мечом. Едва Двадцатый успел громко вскрикнуть, как ниоткуда послышался густой бас и громкое рычание.

– Здрав будь, добр молодец! Трясешься ты от страха, как красна девица, но я тебя не трону и мизинцем! Не видал ли ты тут зеленого гоблина-торговца,

ростом с овцу и разумом бараньим? А уши у него ослиные, как и повадки! Провисел он мне, вислоухая жаба, мантию-невидимку не целиком, а лишь обрывок! Не прячет ткань волшебная меня всего, а оставляет место уязвимое!

С этими словами он повернулся задом и продемонстрировал свое толстое «уязвимое место». Затем из воздуха появилась исполинская зеленая голова с дикими ярко-красными глазами, широкими ноздрями с золотым кольцом и огромным клыкастым ртом. В правом остроконечном ухе висела тяжелая золотая серьга, черные жесткие волосы были собраны в тугий конский хвост на самой макушке.

– Нешадно бит я был, и зло собаками покусан на деревне...

Двадцатый, не понимая ни слова, закричал так громко, как только мог, молниеносно прыгнул в открытую дверь корабля, которую тут же с грохотом захлопнул. Эта была самая реальная галлюцинация за сегодня...

– Юнец должно быть пьян! Зачем же так кричать, как будто наступил на улей! – донеслось снаружи недовольное рычание орка.

– Зеленый... весь! Насквозь... радиоактивный! – бормотал, как в бреду, Двадцатый, прислонившись спиной к двери и медленно сползая на пол, – он регистрацию просил...

На его крохотном корабле совсем не было оружия, а у молодого капитана быстро заканчивались нервы и терпение.

Тут он почувствовал, что пальцы его правой руки, которой он держал несчастного эльфа, испачканы в чем-то липком. Он поднес ее к лицу и понюхал темно-красные маслянистые пятна на пальцах.

– Кровь! – мелькнула в его голове мысль, – но откуда?

Он живо вспомнил о своем маленьком пленнике и открыл квадратную дверцу. Внутри, сжавшись в комок, обнимая прижатые к груди ноги, сидел человечек. Его правое блестящее крылышко было сломано, и из разлома сочилась красная кровь.

– Зачем ты хочешь жизнь мою отнять? – грустно спросил эльф звонким, словно колокольчик, голосом. Но, о чудо – Двадцатый разобрал его слова и отдернул протянутую руку.

– Я... не хотел! Я... хотел посмотреть твой состав! – ответил паренек сдавленным голосом, – стандартного языка никто не понимает!

– О нет, приятель! – отмахнулся крошечной ладошкой человечек, – это ты наш язык не понимаешь! Ни орка грозного, ни хитрого торговца, ни эльфа звонкого! Прислушайся – и ты всех нас поймешь!

– Рычанье, звон, сопенье! – ответил Двадцатый, беспомощно хлопая глазами, – чего тут понимать?

– Ты из страны, где в волшебство не верят! Где умерли все сказки и легенды! Лучше не знать, как эльф живой устроен, пусть он поет, танцует и летает! Чем знать состав той серой пыли, в которую ты сказку обращаешь!

– Это молекулы! – возмутился Двадцатый, извилины лихорадочно использовали чип, – ты еще кто?

– Я эльф Тилль! – представился человечек, совершенно не подозревая, к чему может привести подобное знакомство, – а твое имя как?

Парень с Земли на одном дыхании сказал ему свой длиннющий номер, заканчивающийся двадцаткой. Тилль уставился на него круглыми от удивления изумрудными глазками, он совершенно не услышал в цифрах имени.

– Ну, можешь звать меня Двадцатый! – наконец выдавил из себя землянин после долгой неловкой паузы.

– Двадцатый? – переспросил эльф, осторожно ступая маленькой ножкой на протянутую ему раскрытую ладонь, – как далека твоя страна, однако! И имена столь же чудны, как ее жители! Так кур считают, иль клеймят ослов!

В тусклом свете своего первого в жизни вечера земной гость наконец-то разглядел эльфа – он был совсем, как обычный семнадцатилетний мальчик, стройный, с рыжими кудрями и блестящими крылышками.

– Да нет! Всего-то пару световых лет! – возразил с усмешкой Двадцатый.

– Если тебе так далеко до дома, то ночь ты можешь в Ворожейке скоротать, в деревне у моей хозяйки!– предложил Тилль, – к тому же, я был бы благодарен тебе бескрайно, коль ты б меня туда всемилостивейшее отнес – не долечу я сам до той деревни, крыло мое измято до крови!

– Ам... да...да... конечно! – согласился паренек, виновато косясь на эльфа, у него совсем не осталось баллов, – я донесу тебя легко! Здесь сколько километров? Маршрутка ходит?

– За лесом сразу будет Ворожейка, коль поспешим, туда успеем до луны! – ответил эльф, игнорируя дальнейшие вопросы.

Двадцатый печально проводил взглядом свой израненный угасший корабль, он укрыл его ветками и присыпал землей, чтоб нечаянно никто не нашел и не утилизировал, искренне надеясь, что ему не придет «письмо счастья» о неположенной парковке.

Осторожно, мелкими неуверенными шажками, постоянно останавливаясь и озираясь по сторонам, с открытым ртом и круглыми глазами Двадцатый шел через обычный смешанный лес. На качающихся ветвях что-то постоянно светилося, в траве что-то шуршало, а за толстыми вековыми стволами кто-то прятался. Что-то где-то чирикало, каркало, угукало, пело, кричало, пищало...

Несколько раз, а именно, когда в глубине леса завывал волк или под ногами у парня пробегал зайчонок, Двадцатый в панике кидался обратно к кораблю.

Его молодое сердце было готово выпрыгнуть из груди при каждом крике филина, шелесте крыльев летучей мыши или встречном хороводе лесных эльфов.

Но одновременно со страхом в его человеческую душу, если таковая присутствовала, вселялся необычайный восторг от всего увиденного и услышанного. Странно, он прожил на Земле целых семь лет, но никогда не считал ее родным домом, здесь же, посреди ночного темного леса, полного опасностей и

приключений, Двадцатый был готов грохнуться на мягкий мох, украшенный неведомыми яркими цветами и громко разреваться, как ребенок у подола матери. Но парень совершенно не мог себе такого позволить из-за непреодолимого желания увидеть Ворожейку, и сидящего на плече раненного эльфа.

– Когда у вас, наконец, зажгут Фобос? – не выдержал Двадцатый, очередной раз спотыкаясь о толстый корень под ногами, с каждым шагом становилось все темнее и темнее, думая про себя, – есть же такие отсталые планеты!

– Фобос? – переспросил эльф, – ночь, Солнце яркое сейчас опочивает! Луна-сестрица в серебре меж звезд придет ему на смену!

– Что? – закричал парень и резко остановился, но тут он вспомнил, что это другая страна, планета и возможно галактика, где, однако, Солнце звали Солнцем, – у Вас разве нет Фобоса, искусственного солнца? Огромное зеркало на орбите, что отражает солнечные лучи, чтоб не спотыкаться ночью! Ауч!

– Что? Да что ж ты, как тролль в курятнике! – теперь настала очередь эльфа недоумевать, он буквально подпрыгнул на месте, чуть не соскользнув с плеча, – второе Солнце? Не знает жадность меры там, где мало Солнца одного! Ведь ночь красою с днем поспорить может! Зачем его царицу Вы затмили?

Двадцатый хотел было возмутиться, что при создании Фобоса ни одна Луна не пострадала, но не успел – его челюсть снова отвисла от удивления.

Впереди деревья вдруг расступились, и путники вышли на открытую местность – вершину огромного холма, внизу мерцающей серебряной лентой по долине протекала река, петляя и извиваясь, словно жизненный путь, за ней тысячами разноцветных огней горела гуляющая Ворожейка, отмечая праздник нового урожая.

Легкий приятный ветерок приносил с собой самые прекрасные обрывки музыки, громкого смеха и наивкуснейших жареных гусей. С ночного черного небосвода приветливо улыбалась полная яркая луна, вокруг нее водили хороводы огромные блестящие звезды, пьяные от собственной красоты.

Двадцатый встал, как вкопанный – сердце сжалось от восторга, около пары минут он был не в силах вымолвить ни слова, переводя свою круглые зеленые глаза то на серебряный шар луны, то на светящуюся ленту реки, то на гуляющую деревню. По небу яркой искоркой скользнула падающая звездочка – Двадцатый вздрогнул и очнулся.

– Что дремлешь ты под звездами, приятель?– Тилль из-за всех сил дергал его за ухо, – очнись скорей, в деревню поспеши! Иначе праздник мы весь так пропустим!

Двадцатый сделал робкий шаг вперед, в животе заурчало от голода – и он вспомнил про свою последнюю таблетку. Но нет, сейчас еще рано – эта таблетка на черный день, кто знает, сколько ему тут придется проторчать!

– А в городе есть аккумуляторы? – осторожно спросил он эльфа, – у меня Макса надо зарядить!

– Желаешь лошадь покормить? Иль починить железную повозку? – не понял Тилль.

– Кого? – переспросил Двадцатый, от такого непонимания он был готов что-нибудь сломать, – корабль свой я в лесу оставил! Система Макс! Аккумулятор сдох!

– Макс? То друг твой? Иль так тебя зовут? – испуганно ответил Эльф, – конь твой сдох?

– Зачем мне имя, если у меня есть номер! – возмутился парень, – Макс это мой корабль! В вашу дыру я прилетел на нем!

– О, как чудна твоя страна под двумя Солнцами лежащая! Там у повозок имена, а хозяев номера!

Двадцатый громко фыркнул, но так ничего и не ответил – сильнейшее любопытство и лютый голод манили его в деревню. С каждым шагом все меньше и меньше оставалось надежды на то, что у столь отсталой цивилизации есть пищевые таблетки.

Глава третья, про первый ужин. Знакомство с местными

Путники, недоумевая над ответами друг друга, быстро прошли ржаное поле, тропинка причудливой летной побежала через сады и огороды. Там было тихо и спокойно — лишь иногда встречалось несколько запоздалых эльфов, с легким звоном летящих на праздник. Они парили в воздухе светящимися разноцветными звездочками, неся с собой крохотные корзиночки с нектаром или пылью.

— Вот здесь сверни! По той тропинке первый дом! — звонко командовал Тилль, сидя на плече у паренька, — ты голоден, наверно?

— Да так сильно, что тебя бы съел! — пожаловался Двадцатый, сжимая в кармане последнюю таблетку, — я умираю с голода!

— Так яблоко себе сорви! Ты возле яблони стоишь! — засмеялся эльф.

Двадцатый долго думал и вертелся, как свинья у апельсинов, возле небольшой кудрявой яблони, чьи ветви гнулись от спелых сочных плодов. Он был готов съесть все дерево сразу, но не знал с чего начать. Наконец, изумленный эльф объяснил оторопевшему парню, что такое яблоко и как его есть.

Когда почти все ветки были переломаны, Двадцатый все-таки смог сорвать одно, самое красное и наливное яблоко. Он, подозрительно понюхав плод, шумно его надкусил — во все стороны брызнул сладкий сок. Парень неумело, первый раз в своей жизни, принялся его жевать, полный сомнений и паники — божественно вкусно! Из его глаз покатались слезы — громко причмокивая, он поклялся, что ничего вкуснее еще не пробовал, боясь представить, сколько это может стоить — наверное, весь его корабль.

— В твоём краю нет яблок, чужеземец? — хохотал эльф, — возьми же несколько! Снеси их своему царю! Да не забудь меня ты прихватить с собой — в твоей стране я вмиг разбогатею! Коль со смеху я раньше не помру!

— Не приведи системе, тебе оказаться на Земле, мой сказочный! — хмыкнул Двадцатый, — ждут тебя в лаборатории микроскопы и атомные расщепители!

Тилль вздрогнул – он тут же вспомнил, как на его глазах цветок и камень превратились в пыль. Сердце мучительно сжалось, а сломанное крыло пронзила острая боль.

– Остановись здесь на мгновение! – попросил Тилль, – сорви мне пару лепестков того невзрачного цветка!

Двадцатый с силой швырнул огрызок в кусты, жалея, что не успел его съесть, и наклонился к траве. Впотьмах он нашел маленький невзрачный василек с нежно-голубыми, словно капельки неба, лепестками.

Небрежно брошенный огрызок угодил прямо в большой нос «картошкой» орка, безмятежно спящего между капустных грядок. Это был тот самый зеленый великан, которого Двадцатый дезориентировал около своего корабля, и который несколькими часами раньше гнался по лесу за гоблином-торговцем. Орк с спросонья потряс своей огромной головой и сладко зевнул на полную луну, ощупал лицо огромными зелеными когтистыми лапами, прислушиваясь, осторожно встал, и тихо направился к домам, откуда доносились музыка и смех.

Между тем Тилль приложил пару лепестков ночного цветка к своему сломанному крылышку и – о, чудо, оно не просто зажило, но и, казалось, стало еще легче и ярче.

– Ого! – у Двадцатого брови медленно поползли на лоб, вот это регенерация.

– Ага! – передразнил его эльф, укоризненно добавив, – а ты такой же в пыль оборотил недавно!

Двадцатый грустно опустил голову, в лунном свете его металлические волосы отливали чистым серебром. Несколько минут путники шли, молча, прислушиваясь к ночным причудливым звукам и таинственным шорохам. Землянин, в темном космическом костюме, плотно облегающем тело и ярких кроссовках, послушно семенил по узкой тропке, освещаемой ярким зеленоватым

светом летящего впереди эльфа. Такой маленький, а так светится – вот это аккумуляторы!

– Ну вот, окончен путь наш! – наконец радостно воскликнул Тилль, указывая на маленький, словно игрушечный, уютный домик, – должна быть дома моя добрая хозяйка, бабушка Тая! Ты подходи к двери, а я влечу в окно и сообщу ей о твоём приходе!

Двадцатый, совершенно не понимая, куда его послали, понимающе кивнул, не сводя зеленых глаз со сказочного белого домика, утопающего в зелени и цветах. В нарядных окошках с распахнутыми резными ставнями горел теплый свет, из ярко-красной кирпичевой трубы друг за другом вылетами мягкие колечки серебряного дыма.

На своем коротком веку парень видел самые богатые дома земных начальников, правильной кубической формы, неприступные и недоступные, с тысячами датчиков на стенах и окнах. С сотнями видов удобств они выглядели огромными пластиковыми коробками, роскошными клетками, напичканными сверху донизу электроникой. Странно, что когда-то Двадцатый о таких мечтал, теперь они казались такими бедными и отсталыми – ведь рядом не росло ни одной яблони.

А этот маленький обшарпанный деревенский домик, со стенами, обмазанными крашеной штукатуркой и битой черепицей на крыше, без охранной сигнализации, интернета и спутникового телевиденья был единственным местом во вселенной, в котором, вдруг, захотелось жить и называть своим домом.

Двадцатый незаметно подошел к деревянному крылечку, сплошь увитому изумрудными листьями плюща и утопающему в пестрых нарядных цветах, весело кивающих цветными пушистыми головками. Аромат блинов гостеприимно приглашал в незапертую дверь, освещаемую фонарем со старой свечой. На дубовых, чисто выметенных ступенях, сидел огромный рыжий кот, поздно ужинающий свежей сметаной из небольшого блюдца.

– Здравствуйте, господин Бабушка! – как можно вежливее произнес Двадцатый, чуть наклонив голову в знак глубочайшего уважения, – мой номер 123458920, прошу обеспечить меня койко-местом и интернетом! Снимите баллы с моего счета, если там осталось...

Кот с большим трудом и недовольством оторвал толстую морду от трапезы, уставившись на Двадцатого, как на танцующую мышь. Не сводя с него своих горящих желтых глаз, он медленно слизывал жирные капли сметаны, сползающие по его бесконечным усам.

– Прошу, не вызывайте полицию! – умолял Двадцатый, обеспокоенный столь долгим молчанием «Бабушки», – я заплачу сто пятьдесят баллов! Я регистрируюсь!

Кот по-прежнему, не мигая, безмолвно пялился на пришельца, его мысли балансировали между «великим хамством» и «великой глупостью». Двадцатый, видя, что его рыжий собеседник не принимает никаких действий, решил сам что-нибудь предпринять.

– Разрешите, господин Бабушка! – он осторожно сел на ступень рядом с котом, на секунду задумался и опустил указательный палец в миску со сметаной, а затем обнюхал и облизал, – ммм... неплохо! Отличные ароматизаторы!

Кот презрительно фыркнул и отошел в сторону, не желая больше прикасаться к оскверненному ужину. Двадцатый же, наоборот, воспринял данный жест, как приглашение, и продолжал безнаказанно угощаться. Он схватил миску обеими руками и принялся нагло и жадно поглощать сметану, краем глаза следя за действиями усатой «Бабушки», дабы та не вызвала полицию.

– Батюшки мои! Худой-то какой! – услышал он сзади скрипучий старушечий голос, – а что ж ты в избу-то не проходишь, внучок?!

Двадцатый, который в этот момент спешно вылизывал остатки сметаны, от неожиданности чуть было не выронил посуду из рук. Он резко обернулся – на крылечке стояла небольшая, под стать домику, старушка в старенькой пуши-

стой телогрейке и цветной шали на седой голове. Ее глаза, утопающие в морщинках и доброте, искренне улыбались Двадцатому. Парень поставил пустую вылизанную дочиста миску обратно и указал пальцем на рыжего кота.

– Это все он!

– Замерз поди на вечере, внучок! – причитала бабушка Тая, казалось, на этой планете она считала своими внуками все, что движется, – а я тут Зорьку подоила! Заходи в избу на молочко парное, да блины с маслом!

Но, не смотря на старания старушки, Двадцатый так и не успел войти в дом – из-за палисадника собственной персоной вышла Зорька – огромная белая корова с рыжими пятнами. Увидев странного гостя, она радостно громко замычала. Чего оказалось больше, чем достаточно, чтобы утомленный дорогой и переживаниями Двадцатый, громко вскрикнув, завалился в обморок прямо на ступенях.

Он очнулся в доме, на теплой печи под шерстяным разноцветным одеялом. Над ним весели ароматные пучки сухих трав, таинственные связки листьев и длинные гирлянды сушеных грибов. С минуту он рассматривал ошалевшими глазами чистую уютную комнату – бревенчатые стены и беленый потолок, дубовый стол с белой скатертью и парой деревянных лавок. Вот это графика, вот это эффекты!

Вдруг, прямо под своим боком он нащупал что-то пушистое, мягкое и длинное, и, в качестве дальнейшего исследования, Двадцатый резко потянул за неопознанный объект.

– Мррааау! – раздалось на всю избу, означавшее на кошачьем самые неприличные ругательства, – хыш-пышшш!

Двадцатый вскочил с печи, как ужаленный – пора уносить ноги, за сломанного рыжего биомеханоида он точно не расплатится!

На столе около с покосившейся толстой свечи, естественным источником освещения, возвышалась гора блинов рядом с крынкой свежего молока, на полу лежали цветные пушистые половички.

На парне, поверх его космического темного костюма был надет новый ярко-алый кафтан, подпоясанный зеленым кушаком и широкие темные шаровары. Медлить было нельзя, стоит Бабушке Тае всего раз выйти в интернет, как его тут же утилизируют!

Прокравшись, как кошка к столу, он быстро схватил пару блинов, благо сигнализация пока молчала, и проворно вылез в открытое окно, навстречу ночной прохладе и новым приключениям.

Его тут же оглушили звуки музыки, пения, смеха и говора – вся деревня не спала в эту ночь, тут и там горели высокие костры и повсюду стояли крепкие дубовые столы, ломящиеся от обилия всевозможных и совершенно невозможных блюд.

Вокруг них толпился пестрый народ – молодой и старый, маленький и большой, люди, эльфы, гномы, тролли и гоблины. Все пировали, плясали и веселились, отмечая самый главный и веселый праздник – день, а точнее сказать, великую ночь урожая. Двадцатый быстро затолкал краденые блины за обе щеки и, лихорадочно работая челюстями, отправился бродить по гуляющей деревне с набитым ртом.

– О, шведский стол! – обрадовался парень, прокрадываясь к общим столам, ломящимся от угощения. Дальше он действовал по плану «все включено» и «все бесплатно».

У парня было странное нехорошее предчувствие – он, на свое счастье, пока ни разу не встретил полицию или представителей какой-либо власти. Белобрысые и голубоглазые ворожейцы, все, как один, приветливо улыбались:

– Здрав буди, добр молодец!

– Запрос обрабатывается! – отвечал Двадцатый, на что простодушные деревенские жители пожимали своими загорелыми плечами – они ждали от странника вестей, как утку от утренней газеты, гадая и перешептываясь, из каких таких краев пожаловал столь худой и бледный гость.

В Неливерии, все было предельно просто – если хочешь славы – иди на службу к королю, если хочешь быть битым – иди в пещеры к оркам, остаться без золота – встретить с гоблином, а если хочешь быть сыт – сверни в деревню! На празднике треть гостей составляли неприглашенные, но это совсем не значит, что совсем неожиданные – пищей и кровом делились с каждым, куда бы он не шел и что бы не нес с собой!

Но такого гостя, как Двадцатый, в Ворожейке еще не было и вряд ли будет – хватал салат руками, откусил селедке хвост, влез локтем в варенье, сел в бочку с медом, дрался под столом с собакой, опрокинул самовар, дернул за косу девицу, в надежде, что она «отключится» и перестанет над ним хихикать, но та резко развернулась, грозно уперев руки в боки и захлопала своими голубыми лупешками.

– Ээ... буди бобр...добр...молодец! – проямлил Двадцатый, как помнил, волшебные слова. Но не помогло – девица отвесила ему отличную пощечину, от которой в ушах зазвенело, и парню показалось, что его утилизировали три раза подряд.

Не пытаясь вступать в диалог с местными, землянин проворно собрал себе охапку медовых пряников, отличную свиную копченую ножку, кусок ароматного каравая, пару пирожков с капустой и, совершенно не зная зачем, большое вареное утиное яйцо. Со всем этим добром он уселся на самую дальнюю кочку, подальше от огней, каверзных вопросов и любопытных приветливых взглядов, и, в полном одиночестве, принялся жадно поглощать все и сразу, впервые ужиная за свою жизнь.

Вдыхая дым костра и кивая в такт бубнам и свирели, Двадцатый устремил свой восторженный взгляд к луне. Только сейчас он смотрел и видел, дышал и чувствовал, жил, а не существовал! Каким-то огромным чудом он выиграл самую престижную и важную свою гонку, догнав саму жизнь – все вокруг такое новое, интересное и прекрасное!

Лихорадочно работая челюстями, Двадцатый думал о Земле. Внезапно ему стало жалко всех ее несчастных жителей, смотрящих на свет через голубые экраны мониторов. Их мир начинался там, где есть интернет, и заканчивался, где его нет. Земляне научились синтезировать все – пищу, энергию, молодость, виртуальную дружбу, даже любовь, уходя все дальше и дальше от счастья.

Двадцатый смотрел на звездное небо, вдыхал аромат цветов и пряников, слушал пение птиц и стрекотание кузнечиков, потирая шишку на лбу – ничего себе треснулся! Он пытался представить, сколько потребуется земных баллов, чтобы все это синтезировать. Но, увы, парень не знал, что в одну реку не войти дважды, так же, как и нельзя провести два одинаковых вечера на Неливерии.

Никакая стереосистема не заменит пение птиц, ведь даже человек, увы, не знает слов их чудесных песен. Никакая фабрика не сделает медовый пряник, тот, что у него сейчас в руках – ведь он пекся с особым настроением именно к этому вечеру, и потому во всей вселенной не имеет аналогов. Вдруг, огромная соленая слеза покатилась из края счастливого глаза, обжигая его правую щеку.

– Что это со мной? – недоумевал парень, за первой слезой последовала вторая и третья, он не мог их остановить, – жив ли я еще или мертв?

– погоди умирать, приятель! – услышал он за своей спиной знакомый скрипучий голос, – ты еще не купил моих штанов!

Двадцатый смахнул предательские слезы и резко развернулся – позади стоял тот самый зеленый лопухий гоблин в пестром халате, которого он встретил сегодня в лесу. Огромные темно-карие блестящие глаза проворно бегали вверх-вниз, рассматривая новый кафтан и штаны на парне.

– А это ты, радиоактивный! – приветливо улыбнулся ему Двадцатый, совершенно не собираясь делиться провизией.

– Кафтан роскошный! Под стать и витязю и... девице! – причмокивая, льстиво прогнусавил гоблин, – но вот беда, не свой товар вижу опять! Хотя постой-ка – такие шаровары и нет ремня! Купи его хоть у меня!

С этими словами он достал из под цветной полы своего пестрого халата десяток кожаных ремней с металлическими пряжками и зазвенел ими перед носом Двадцатого, выбирающего какой съесть первым.

– Давай вот этот! – парень выдернул из связки один, с огромной серебряной пряжкой в виде солнца и подозрительно обнюхал – совершенно не съедобно.

– Три золотых! – объявил цену довольный гоблин, остальные ремни мигом исчезли под вместительной полкой его халата.

– Три чего?! – переспросил землянин, в качестве платы он быстро сунул в когтистую зеленую лапку маленького торговца самый большой медовый пряник, который только у него был.

– Три золотых! Достойная цена! – повторил недовольный гоблин, снова протягивая свою жадную лапку, – коль не отдашь, тогда ремень снимай!

Но тут произошло нечто неожиданное – над деревней, откуда ни возмись, появился странный неопознанный летающий объект, он несся со страшной скоростью, то вертясь в воздухе волчком, то неожиданно делая мертвую петлю. Звучно шмякнувшись о крышу курятника, а, затем, едва не угодив в ближайший костер, летающий объект плюхнулся прямо перед оторопевшим гоблином, съезжившимся и позеленевшим от страха.

Когда клубы поднявшейся пыли рассеялись, объект был опознан, как маленький седой старичок с огромной бородой, белой как снег. Ростом он был примерно с гоблина, то есть по пояс Двадцатому. Одетый в нарядную бежевую

рубашку и темно-коричневую кожаную телогрейку, он никак не походил на полицейского.

Широкие штанишки на коротеньких ножках, под цвет телогрейке, кончались парой новеньких лакированных туфель с большими серебряными пряжками.

Коренастый плотненький старичок, как показалось Двадцатому, прилетел на... обычной цветной простыне! Точнее, это был обрывок старинного ковра с узорами, а если быть еще точнее – потрепанный ковер-самолет!

Не говоря ни слова, гном проворно спрыгнул с необычного транспортного средства, подскочил к гоблину и схватил его за огромное зеленое ухо.

– Вот я добрался, наконец! – совсем не радостно сообщил прилетевший, фыркая от пыли, – не узнаешь меня, «купец»?

В ответ гоблин что-то неразборчиво промычал.

– О, горгулья! Как же ты меня узнаешь? Ведь по твоей милости я поседел безвременно! И в лесу потерял колпак свой яркий! Один полет на твоём драном ковре чуть жизни мне не стоил!

– Но... ай, я же сделал скидку! Тысяча химер! – промямлил гоблин, пытаясь освободить ухо, – а-а-й, пощады!

– Скидку? – кричал гном, еще крепче сжимая свой кулак, – ты продал мне товар негодный! Меня ты обманул нещадно! Я лучше б купил метлу у ведьмы, чем твой коврик-самодур, что летит не прямее, чем курица от бабы!

Тут они одновременно посмотрели на Двадцатого, парень стоял, сжимая в руках в руках пояс и молча улыбался: «Покупки через интернет это рискованно!».

– Продал юнцу ремень девичий? – вскричал гном, сажая визжащего гоблина на свой ковер-самодур, распластавшийся на траве и весело подпрыгивающий от нетерпения, – нет, вислоухая ты жаба, тебя я убивать не стану! Лети же во дво-

рец к султану! Прямо в покои его жены прекрасной и пошли поклон ее ушам ослиным низкий!

Глава четвертая, экскурс в историю. В плену легенд

– О, лысая горгулья! Пощади! – взмолился торговец, но было поздно, ковер-самолет неуклюже взмыл в воздух, унося на себе дрожащего гоблина, вцепившегося в него всеми своими двадцатью когтями.

– Султану? Во дворец? – переспросил Двадцатый, нервно теребя в руках блестящую серебряную пряжку в виде солнца, – это... ээ... гипермаркет?

– А ты не слышал, юноша? Пройдоха продал жене султана серьги, прекрасная работа ювелира с камнями дорогими! Да только вот, когда она одну сережку потеряла, то ухо вдруг ее ослиным стало! – тут гном не удержался и захихикал, – и во дворец к султану стекались лекари со всего света! Тащили мази чудодейственные и пилюли! Да только все не то – как мертвому припарки! Тогда один смельчак ей посоветовал вторую снять серьгу!

– И? – Двадцатый удивленно уставился в синие глаза гнома, дело пахло радиацией.

– И ее второе ухо вмиг ослиным стало! – расхохотался гном, белая пушистая борода зашелестела по траве.

Единственное, что понял из разговора Двадцатый, так это слово «ухо» и что с ним случилось что-то интересное!

В следующий момент звуки музыки притихли, и реже стал слышен хохот – окружающие быстро собирались вокруг самого высокого яркого костра, проворно занимая свободные места на табуретках, лавочках, на столах и под ними, и просто на траве.

Двадцатый и его новый приятель, свалившийся с неба, тоже подсели к огню, все чего-то ожидали, словно любимого вечернего сериала.

На почетном самом высоком месте возле огня сидел седовласый старец в сером длинном плаще. Темными от работы и загара мозолистыми руками он ударил по струнам больших золотых гуслей, что лежали у него на коленях. Сквозь ночную прохладу полилась грустная приятная мелодия, несколько раз облетая притаившихся в ожидании слушателей, она уносилась к далеким мерцающим звездам.

Сердце забилося в два раза быстрее в груди у Двадцатого, от звучных нот глаза снова наполнились слезами. Он забыл про все на свете и единственное о чем сейчас молил, чтоб эти старческие мозолистые руки не переставали перебирать тонкие серебряные струны. В его жизни это была первая музыка, создающая настроение, а не подстраивающаяся под него. Двадцатый вытер слезы и принялся рассматривать седого музыканта, уставившись на него, как на Бога. А мелодия лилась, словно свежий ручей в жаркой пустыне, наполняя живой водой души и проникая в глубину сердец.

И вечность лет тому назад,
Планеты стройным хороводом
Ходили, Солнце восхваляя,
На их сестрице средней,
Что меж Юпитером и Марсом гуляла,
Где нынче бродит пояс астероидов,
Родился первый человек!
Собой хорош, и умом светел,
Та колыбель цивилизаций,
Науки, магии и наций
Была прекраснее всего!
И города, роскошные, как рай,
Богатые и славные росли!
И расцвета планета та, как роза

Блестя умами, словно кладезь интеллекта,
Все жители ее прекрасны были,
Не зная горя, счастьем упивались!
Но слишком скучно жить в довольстве,
Там началась война лихая,
И судьбы все переломала,
В прах обращая жизни,
Сжигая и стирая города!
Закончилась она тогда,
Когда планеты той не стало,
Ужасный смертоносный взрыв,
Ее на тысячи осколков разорвал!
Кружится сиротливо по ее орбите
Сейчас безжизненный метеоритный пояс!
Лишь мертвыми осколками напоминая
Ошибки прежних поколений!
И в миг предсмертный с той планеты
Два корабля ушло в поисках счастья!
Один корабль на Землю опустился,
Другой же в Неливерию попал!
Так, с той поры сестрицы две родные
Земля и Неливерия забыли свой покой!
И на обеих жизнь зашевелилась,
И появились страны и цари!
Мечта землян – стихии обуздать!
Повелевать огнем, командовать водой,
В рабыню Землю превратить, и ветер буйный усмирить!
На Неливерии-сестрице, все иначе,

Совсем в другом искали люди счастья.

Навеки они ее леса и реки полюбили,

Ходит легенда, и каждый ее знает,

Что самый главный капитан, чье имя было Неливер,

Оставил свое сердце яркое планете нашей,

С тех дней оно горит огнем

В пещере глубочайшей

Самой высокой из неприступных гор!

– Наверное, вечный двигатель! – подумал про себя Двадцатый, – было б неплохо таковым обзавестись!

Никто не смеет камень этот трогать,

Исчезнет он – погибнет вся планета!

С водой на Неливерии дружили,

Каждую каплю зорко берегли

И почву матерью родной считали!

Огонь, как Солнце, уважали,

И песни пели вместе с ветром!

Так родились великие народы-

Русалки, что плескаются в волнах!

Эльфы звонкие, что с ветром песнь поют,

Гномы, что в земле, как мыши обитают,

И орки в сердце носят мощь огня!

Любой народ по-своему прекрасен,

Но кто сильнее всех, тот опасен!

Народ огня, хоть на лицо не красен,

Но бесконечной мощью разрушенья наделен,

Такой, что воду может выжимать из камня!

Дабы для нового сметать все старое с пути,

Что, как снег весной, слегка подзадержалось!
Задумали они живое все сживать,
Гонять зверей, леса валить, луга топтать,
Три остальных народа сложили силы,
Навеки в горные пещеры орков заточили!
Народ огня надежно сердце Неливера охраняет,
Хоть сам не может он его касаться.
Ворота огненные в царство их стоят,
Войти всяк может, выйти же никто!
Ведь, как известно, чем острее меч,
Тем прочней нужны и ножны!

Тут среди слушателей прокатилась волна шепота – все хорошо помнили, сколько времени и крови стоило «сложение сил» трех народов, эквивалентное по мощи и разрушительности единственному племени войны и силы – оркам.

Седовласый певец окончил свою самую известную и любимую песнь. Мелодия гуслей стала звонче и веселее, Двадцатый улыбнулся – старик запел новую, веселую и не менее интересную песнь.

Стоят сегодня в Неливерии два королевства!
По силе, мощи и красе они равны, как братья-близнецы!
Правители их оба благородные и знатные цари,
Друг другу славой и богатством уступить не смеют!
Их имена Ареус – царь лесов дремучих и зеленых,
И Тилиф – султан диких степей и пустынь жарких!
Между владыками боится спора все живое!
Ведь мир худой куда лучше яркого раздора!
Дворец султана полон алмазов, злата и богатства,
Но всего дороже – две дочери, жемчужны его!
Старшая Аир, носит косу, черную, как ночь,

Глаза зеленые и ясные, как звезды!
И младшая Зюйдан, чьи кудри золотом горят,
А глаза, как осколки неба, голубые!
У Ареуса же, лесов владыки и холмов,
Есть славные три сына – Тир, Фрок и Сандрий
Лицом милы, умом сильны, рукой тверды!
Что было б лучше, если дочери Тилифа пошли за сыновей Ареуса?
Два царства бы в одно слились и крепче бы в два раза стали!
Ан нет, два старших сына,
Тир и Фрок безумно влюблены в Зюйдан,
Аир печальная по Тиру вся истосковалась!
Султан дочь младшую не отдает из братьев никому,
По старшинству он дочерей желает выдавать!
Несчастливая Аир, песок слезами орошает,
А два влюбленных брата, друг другу смерти, как враги желают!
Но на границе луга и пустыни,
Стоит колодец, мутный и бездонный,
Что глубиной уперся в сердце планеты нашей!
Там джинн могучий темный обитает,
Желанья он людские исполняет,
С условием, что душу забирает и покой!
Однажды, по лесу бредя одна в слезах,
На тот колодец горемычная Аир наткнулась,
И уронила в него свой платок, от слез соленный,
Джинн пробудился, земля содрогнулась,
Огромный, синий с диким огнем в глазах,
Проговорил он голосом загробным,
– Зачем бежишь ты, девица в изгнание?

Скажи мне про свое желанье!

– Хочу любимой стать я! Мне нужен Тир!

Ответила с волнением Аир.

– Так будь по-твоему! И он и остальные!

Пусть стелятся теперь у твоих ног!

И джинн достал со дна колодца,

Воды студеной полное ведро,

И протянул он девице со словом, – пей, красивая!

Вода студеная соленой ей казалась,

Как миллионы слез, что литься будут в ее честь!

Все выпила Аир до дна и ведро джину протянула!

– Теперь ступай и собирай в подол сердца людские!

Довольный засмеялся джинн,

Свое же не отдашь теперь ты никому!

Отныне я хозяин сердцу твоему!

Оно останется со мной на дне колодца,

И не познает любви, ласки иль тепла!

В тот вечер все переменилось,

Тир, Фрок и Сандрий – с Аир не сводят глаз,

А про прекрасную Зюйдан все позабыли разом!

Два королевства всполошились,

Все, кто хоть раз взглянет на Аир,

Ни на кого другого уж смотреть не могут!

И смерти просят у небес, страдая без ее внимания!

Но сама девица не дарит никому ни взора, ни улыбки,

Смеется громко и сердца со звоном разбивает!

Загадки задает, турниры, бои устраивает, схватки

В свою честь, а женихов лишь с каждым разом больше!

Так за ответом для ее загадки хитрой,
Уплыл царевич Тир за океан,
Да не вернулся снова он к отцу,
Увлекла его с собой в пучину принцесса моря,
Царя морского дочь меньшая,
Остался жить на дне он океана,
Забыв про дом, отца и трон!
Фрок и Сандрий, отправились же на турнир,
Друг друга обгоняя по пути!
Так разлучившись по дороге,
Сандрий набрел в конце тропы
На тот заброшенный колодец!
Желая испить воды студеной,
Он джинна пробудил из глубины.
– Куда спешишь ты, юный мой царевич?
Спросил хитрый дух со дна.
– На турнир к славному султану,
Желаю Аир прекрасную я в жены взять!
Но для победы нужна мне сила орка!
Неуязвимость, смелость и чуткая сноровка!
– Что ж, будь по-твоему, мой юный повелитель!
Возьми сей древний амулет, то клык вождя из племени огня!
И победить тебя никто не сможет никогда,
Ты будешь смел, силен, могуч и быстр, как орк!
Но не снимай его ни разу – иначе обернешься монстром страшным!
Сандр надел на шею амулет волшебный –
На цепочке медной древний орочий клык острый!
И, довольный, дальше продолжал свой путь.

А джинн смеялся громко, в колодце исчезая,
– Будь днем ты, Сандрий, как принц красен,
Но ночью орочий твой лик будет ужасен!
Так и случилось – Сандрий, шутя, выиграл турнир!
Влюбленный орк уже не хищник!
И вручил ему султан наградой Аир, дочь старшую свою!
Вся Неливерия пируючи, гуляла день целый до заката!
Но в полночь вся в слезах Аир,
Бежала из нарядного дворца, от мужа прочь и от отца!
С тех пор принца Сандрия никто не видел,
Вслед за принцессой грозный орк
В ту ночь безлунную дворец покинул!
И не могла его поймать вся стража,
Так был он страшен, так ловок и силен!
Лесов владыка, король Ареус великий,
Впал в горькую печаль с исчезновеньем сына,
Обиду жгучую он на султана затаил,
– Из-за твоих принцесс капризных,
Я сыновей своих всех растерял!
Один наследник лишь у меня остался – принц Фрок,
Или ты сам ему принцессу в жены дашь,
Или пойду войной я лютой на тебя и заберу обеих!
Уж дочка старшая твоя так дивна и хороша,
Что я б и сам женился, если бы не годы и жена!
На что Тилиф ему поспешно отвечал,
– Ох, великий государь лесов зеленых,
Желаю век тебе моих проблем не знать,
Ночей не сплю – не знаю, как дочек замуж мне отдать!

Всяк, кто Аир хоть раз увидит – голову теряет,
И больше не отходит от дворца –
Ее гуляющей по саду увидеть он мечтает!
И ни о ком другом не смеет помышлять!
Несчастливая Зюйдан забила в угол,
Из водопадов слез ее каналы будем строить,
Тогда так старшая ее сестрица смеется без умолку!

Двадцатый тяжело вздохнул, недоумевая, что значит «жениться» и как, собственно говоря, выглядит «принцесса», а еще больше – когда отменили все уникальные номера?

А между тем по лесу вдоль опушки шли два гоблина-купца!
Отец и сын к султану направлялись во дворец,
Да притомились, и на полянке солнечной
Прилегли вздремнуть! Но вскоре
Молодой из них, Расим, отправился на поиски воды,
Источник он лесной найти хотел ближайший,
А между тем наткнулся на колодец глубочайший!
Рассеянно швырнув туда пару камней,
Он джинна пробудил из глубины!
– Зачем на голову мне мусор ты кидаешь?
Ответил дух, глазами злобными сверкая,
– Или тебе заняться нечем боле?
Расим в смущенье уши опустил,
И покраснел бы сильно, не будь он таким зеленым!
– Я купец! Тебе продал бы что-нибудь охотно,
Но ремесло мне это не дается – товар никто не покупает у меня!
Отец мой надо мной смеется, и торговать мне не велит!
– И где же ты отца оставил? – спросил лукаво дух,

– Его я заберу с собой охотно,
За что тебе в награду я монету золотую обещаю!
– Там на поляне! Там в тени ветвей! – ответил гоблин,
Глаза его сверкали ярче золотой монеты.
Джинн нырнул на дно колодца и достал ведро,
Вода студеная плескалась у краев!
Но гоблину не дал он жажду утолить, а опрокинул его наземь!
– Этот ручей, что начинается у лап твоих когтистых,
Теряется в камнях темной пещеры, полной товаров дивных!
Иди же вдоль ручья, товары те – твои!
Их все до одного продашь ты так же ловко,
Как только что продал ты мне отца родного!
Расим вздрогнул, из его шустрых лап выпала монета золотая,
– Я продал? Где же мой отец?
В ответ лишь джинн смеялся громко,
– О, не ищи его теперь! Его сыскать никто не в силах!
Как все продашь ты из пещеры – так отца назад вернешь!
Недолго брел Расим вдоль ручейка
Пред ним пещера громадная открылась!
А в ней товары чудные – украшения, ткани, ковры, оружие, посуда!
Не думая, схватил он серьги золотые с камнями дорогими,
Мантию-невидимку с прорехой в середине,
Ковер-самолет, потрепанный изрядно,
И с несколько ремней с серебряными пряжками.
Накинув мантию, он прыгнул на ковер и в вихре закружился
По направлению дворца великого султана!
Где с блеском продал серьги он его жене,
И с почетом, которого не ведал прежде,

Покинул тот дворец прекрасный, отправившись по свету торговать!

Но вечером того же дня,

При туалетах султанша свою сережку потеряла,

И ее ухо в тот момент ослиным стало!

О, столько громких воплей сей дворец не слышал никогда!

Со всего мира знахарей и лекарей туда созвали,

Полцарства за исцеление любому в награду обещали!

А за поимку купца-пройдохи золота мешок!

И Расим, трясясь от страха под мантией-невидимкой,

Жалел о том, что джинн не дал ему искусство знахаря!

А между тем, один лекарь народный,

Не самый опытный и отнюдь не благородный,

В идеях очень смелый и скорый на словах,

Предложил султанше снять серьгу вторую!

Но вскоре выпорот тот лекарь был нещадно

Другое ее ухо вмиг ослиным тоже стало!

При этих словах среди слушателей пробежала волна тихого хихиканья. Двадцатый тоже засмеялся, он не знал, как выглядит султанша и поэтому представлял своего начальника Сорок Седьмого с большими гоблинскими ушами. В этот момент ему передали огромную чару горячего красного вина с пряностями. Двадцатый зажмурился, долго глубоко вдыхая аромат напитка – это было самое первое, и, быть может, потому последнее, вино в его жизни. Он за один залп осушил полчары, и вмиг ему собрание шуткой показалось – все такие нарядные и серьезные.

– Остановите процесс! – вдруг громко зашептал он сидящим с ним рядом крестьянам, – откуда этот господин знает про все, что было?! Он из полиции?

– Тебе секрет я юноша открою! – серьезно ответил ему высокий белобрысый парень, – не только то, что было, но и что будет, знает он!

Двадцатый снова от души расхохотался – как может старик знать будущее, если его не знают даже сами земляне со всеми своими продвинутыми технологиями! А певец между тем продолжал свою вещую песнь:

Но торговец шустрый по дороге
Был тут же пойман султаньей стражей!
С визжащим гоблином в мешке,
Она вернулась во дворец,
И где ему почти пришел конец!
Расим был до смерти напуган,
Что еще до пыток про колодец султану рассказал,
И про джинна, и про желания свои!
Но только не сказал про муки платы,
И про отца в плену у злого джинна!
Султан, минуты не теряя,
Велел карету запрягать,
И мешки злата потяжелее с собой взять!
Вскоре, на границе пустыни с лугом,
Он нашел колодец, что ему гoblin описал,
Желая произвести большое впечатление,
Он приказал вытряхнуть один мешок в колодец,
Мгновенно с глубины поднялся дух, как море, синий,
Весь в шишках и синяках, по милости султаньей.
– Спасибо тебе, о, щедрый повелитель!
С спросонья джинн ворчливо пробурчал,
– Твое желание глупое я с легкостью исполню!
– О, чудесно! Лишь этого я ждал!
Подпрыгнул султан от нетерпенья,
– Мне дочку старшую надобно под венец отправить!

И женихов навалом – две страны!
Кто взглянет – глаз не отведе!
Да только вот она глядеть ни на кого не хочет!
Уж войны дикие повсюду разгораются!
Братья, дядья, кузены, принцы, короли
Друг на друга с ножами кидаются!
– Что ж, – вздохнул устало джинн,
История твоя стара – ее ни раз уж слышал я!
Ты во дворец возьми волшебный сей цветок,
И джинн протянул розу алую ему,
– Его отдай ты будущему зятю,
Пусть он подарит его дочери твоей,
И вмиг она ему любовь свою отдаст!
Но, но, но, не так быстро, повелитель мой,
За свой цветок хочу я плату по заслугам!
Не надо мне ни серебра, ни злата!
Хочу с тобой навек я породниться –
Отдай мне в жены дочку младшую свою!
– Что? – вскричал султан, от ярости краснея,
– Мою Зюйдан? Тебе? Да как ты вообще смеешь?
– Тогда я розу не отдам тебе! – не унимался дух колодца,
– А, может быть, жену мою возьмешь? – торг вел султан,
– С ослиными чудесными ушами? А?
– Нет-нет, вы друг друга стойте! – буркнул джинн,
– Она с ослиными ушами! А ты с мозгами, как у осла!
Не надо мне твоей султанши лопухой,
Мне дочку младшую отдай!
– Что ж, будь по-твоему! – устал спорить султан,

– Как только свою старшую отдам я замуж! То младшую тебе пришлю!

А сам же про себя подумал, – тогда колодец сразу я засыплю!

На этом сделка совершилась, в подземелье скрылся джинн,

Султан довольный во дворец вернулся!

В тот же вечер он розу принцу Фроку со словами протянул,

– Дари скорей ее своей Аир любимой!

А завтра свадьбу мы, наконец, сыграем!

Влюбленный Фрок мгновенно принцессе розу преподнес,

Та улыбнулась, понюхала ее и уколола палец о шип острый,

После чего упала замертво на пол!

Громко шурша черными перепончатыми крыльями, низко над головами собравшихся пролетела пара больших летучих мышей – от испуга кто-то пригнулся, кто-то поежился. Один лишь старик-гуслир не шелохнулся, продолжая ловко перебирать звонкие струны.

– Да он же...слеп! – подумал вслух Двадцатый, пристально вглядываясь в светло-голубые старческие глаза. Они ему показались не менее знакомыми и родными, как и у той старушки, что встретила его и Тилля.

– Он видит гораздо дальше и лучше, чем каждый из нас! – тихо прошептал ему высокий белобрысый парень, – просто слушай, друг!

Но это был всего лишь вечный сон,

И по сей день принцесса спит в высокой башне!

Султан в отчаянии чуть сам рассудка не лишился

И в гневе он издал приказ

Тот, кто ее разбудит, пусть станет ее мужем!

Будь то человек иль карлик, или орк!

А наш купец зеленый чудом сей дворец покинул,

Гонимый страстью торговать, и по дороге

Мантию-невидимку быстро продал орку,

А ковер-самолет отдал гному почти задаром!

Да только мантия мала орку оказалась,

И места нежные не прятала от взглядов!

А ковер гнома так нес сюда неаккуратно,

Что тот чуть не потерял рассудок!

Опять среди слушателей пролетел легкий хохот, полупьяный Двадцатый забавлялся сильнее всех. Парень почти на треть осушил свою чару вина – все вокруг танцевало и пело. Он не пробыл на неизвестной планете еще и дня, как уже встретил орка, купца и гнома – почти всех главных героев песни.

– Спой нам теперь про Землю, Старче! – выкрикнул кто-то из слушателей.

– Да-да! Про Землю! – подхватила толпа.

Двадцатый сделал большой глоток вина и замер, желая услышать, что знает слепой старик про его родную планету.

– Я не был на Земле уж лет пятьсот, – грустно начал певец, – и еще столько же, там бы не появлялся!

Мои глаза так много видели там горя,

Что я ослеп от собственных соленых слез!

Вместо лугов зеленых там безжизненная пыль,

Песок там мертвый вместо гор высоких,

Там птицы не поют, померкло все живое!

Война жестокая там лютовала, и ядерную силу познала вся планета!

Не различая правых или виноватых –

Все стер с лица Земли жестокий атом...

– Да все там супер, ди-джей! – громко закричал пьяный Двадцатый, с трудом удерживаясь на подкашивающихся ногах, пустая чаша загремела под стол, – все тип-топ!

Гусли мгновенно смолкли, и из толпы тут же стали доноситься недовольные крики.

Глава пятая, вечеринка продолжается. Звонок другу

– Ты пьян, юноша! – закричал гном.

– Остынь, приятель! – подхватил высокий белобрысый парень.

– Откуда ты взялся? – спросила синеглазая темноволосая девушка, предусмотрительно откинув косу назад.

– Я с Земли! – гордо заявил Двадцатый, семь долгих лет его никто не слушал, теперь же, довольный вниманием, он схватил со стола тонкую серебряную вилку и принялся неуклюже тыкать ей в звездное небо, – в-о-о-т оттуда я!

Дальше было хуже – на вопрос о своем имени Двадцатый вспомнил только три цифры из девяти, да и те не в том порядке. Он безуспешно попытался убедить присутствующих в своем высоком административном положении, теряя терпение и равновесие, кое-как вскочил на стол и затопал прямо по тарелкам.

– Я старший ассистент младшего ассистента менеджера чистоты! – выпалил он на одном дыхании, – во как! Это у вас тут – куда не плюнь, везде принцессы, куда не глянь – одни цари!

Разношерстная толпа озадаченно загудела, дюжина рук убирала из под его ног посуду, еще столько же пытались его поймать. О, об этом вечере теперь будет гулять добрая сотня сплетен по сотне деревень не меньше сотни дней! Хотя, они ошибались – этот вечер Неливерия будет помнить вечно!

Старик-певец грустно покачал головой, взгляд его незрячих светло-голубых глаз, казалось, видел Двадцатого насквозь.

– Он пьян! – недоумевала толпа, – несите его в баню! Он пьян!

– Кто я?! – заревел Двадцатый, – сами вы пьянь!

С этими словами он принялся снимать с себя нарядный кафтан, а затем стянул и шаровары, оставшись лишь в своем темном облегающем костюме с Земли.

– Успокойся, парень! – раздавались в это время мужские голоса.

– Срамота! – визжали женские.

Но, приняв стандартный земной вид, Двадцатый не остановился, а быстро засучил до локтя правый рукав своей рабочей формы. Все увидели странный темный ремешок с маленьким квадратным экраном. Секунда и он ярко вспыхнул, проецируя над костром трехмерную модель далекой израненной планеты со всеми ее цветными спутниками.

– Земля! – выдохнул Двадцатый, указывая вилкой на мерцающий в темноте ржавый шар, почерневший от копоти. Рядом с ним в пустоте парило огромное зеркало – Фобос, второе Солнце, чей отблеск был так же ярок, но не так горяч.

Внезапно обугленный шар стал расти, перед глазами изумленных зрителей из темноты возникли города-мегаполисы, словно огромные черные термитники, светящиеся тысячами разноцветных огней.

Один за другим в толпе раздались крики ужаса – все увидели, что между горящими башнями лежала безжизненная, обуглившаяся пустыня, выжженный черный пепел.

– А где луга?

– Где леса?

– И реки, и моря?

– Выкипели и высохли! – небрежно ответил Двадцатый, прыгая на одной ножке – наступил в горячий суп, – зато у нас всегда светло! У нас есть второе Солнце!

– Зачем второе? – ужаснулась толпа, с других костров стали подтягиваться все новые и новые зеваки, – ведь и единственное для всех сияет равно!

– Энергия! – многозначительно ответил молодой землянин.

– Коль света нет внутри, то и снаружи Солнца мало! – печально произнес старик, укоризненно покачав седой головой, – внутри нашей планеты, в пещерах темных и глубоких, пылает сердце храброго Неливера – источник чистей-

шей энергии! Он сердце здесь свое гореть оставил! Вот это истинное Солнце! Благодаря ему живет планета!

– Это мы уже проходили! – ответил Двадцатый, снова переваривая полученную информацию о вечном двигателе, – чье сердце? Что такое сердце?

– И вы, земляне, счастливы на своей мертвой Земле? – тихо спросил высокий белобрысый парень.

– Он же насквозь седой, видать, там одни неурожаи!

– Что?! – снова не понял Двадцатый, не понимая, что значит счастье.

– Покажи нам землянина! – крикнул кто-то из присутствующих, раздались одобрительные возгласы, – землянина!

– Без проблем! – услужливо ответил Двадцатый, нетерпеливо тыкая указательным пальцем в мерцающий экранчик, вскоре, прямо над костром появилось озадаченное лицо юноши с выпученными голубыми глазами и ярко-малиновыми волосами, стоящими дыбом.

– Эй, Третий! Брат! – закричал ему Двадцатый, – давай рули сюда, скот! Я тебя утилизирую!

Красноволосый парень чуть не выпал из кресла, он приблизил свое лицо вплотную к экрану и дикими глазами смотрел на окружающих. Он не замечал лиц, зато надолго запомнил кольца с камнями, золотые кубки и серебряную посуду.

– Ты... ты утилизирован? – дрожащим голосом спросил Третий, рассматривая при свете пламени довольное покрасневшее лицо Двадцатого, чувствуя от экрана тепло, дым костра и запах жареного мяса, – ты... мертв?

– Да, я утилизирован! И жду тебя! – засмеялся Двадцатый, – записывай координаты, гад, и дуй сюда!

– Макс! – послышался из толпы звенящий голос Тилля, – Макс! Вот ты где!

– Внучок! Оденься – замерзнешь! – заахала подоспевшая к костру бабушка.

На этом трагическом моменте Двадцатый предпочел разорвать связь, и экран, витавший в воздухе, погас.

– Макс! Почему ты сбежал? – недоумевал Тилль.

– И блингов совсем не поел! – добавила старушка.

– Я..ээ! – начал Двадцатый, краснея, ему стало стыдно за себя – в толпе пробежал смех, – я... спешил...

Он уже хотел кинуться бабушке на шею и, рыдая, как ребенок, просить за все прощения, как, вдруг, заметил огромную зеленую когтистую лапу, тянущуюся к его прянику. К слову сказать, лапа никому не принадлежала и была протянута прямо из ночного воздуха. На одном из толстых пальцев было надето золотое кольцо с дорогим кроваво-красным камнем.

– Это частная собственность! – закричал Двадцатый и с силой ткнул в непрошенную лапу вилкой со всего плеча.

Послышался страшный рев, моментально из темноты возник огромный зеленый великан-орк во всеоружии. Он, кое-как прикрываясь обрывками мантии-невидимки, пришел на праздник полакомиться своими любимыми медовыми пряниками. Толпа бросилась врассыпную, женщины отчаянно визжали, мужчины хватились за оружие.

Что было дальше, Двадцатый не помнил – от переизбытка алкоголя в крови и внезапного испуга, его буйная голова закружилась, резвы ноги подкосились, и он грохнулся в глубокий обморок, второй и последний за тот вечер.

Очнулся он в следующий полдень, лежа на печи под тем же цветным одеялом, что и раньше. На этот раз рядом сидела добрая старушка, у ее ног терся большой, хорошо знакомый Двадцатому по пышному хвосту, рыжий кот.

Глава шестая, утро добрым не бывает. Командировка в центр

– Ох, и долго ты спишь, внучок! – улыбнулась ему бабушка Тая, тысячи солнечных лучиков-морщинок разбежались вокруг ее добрых глаз, – вставай завтракать скорей!

– Голова...ох, чтоб я сдох! Но...у меня не хватит баллов за все заплатить! – взволнованно произнес парень, вспоминая события последних суток и моментально вскакивая на печи, – за что вы все так добры ко мне?

– Неужели, ты б нам не помог, будь мы твоими гостями на Земле? – спросила старушка, и видя, что Двадцатый густо покраснел, добавила, – не смущайся, внучок, наступит твой день и час, когда только ты один спасешь всех нас...

Двадцатый вздрогнул, в ужасе передернув плечами от одной мысли, и прыгнул с печи – за большим, накрытым белой скатертью столом сидел высокий статный юноша в нарядном изумрудном кафтане. Улыбаясь, он уплетал за обе щеки румяные пирожки, прихлебывая парным молоком.

– Кто это?! – недовольно спросил Двадцатый, – почему он ест мой завтрак?!

– Я Лесандр! – представился незнакомец, вставая, – я проведу тебя во дворец великого султана Тилифа!

– И, что я там забыл? – зевнул Двадцатый, после ночной пьянки у него все еще не проснулась совесть, но уже раскалывалась голова и безумно хотелось пить.

– У султана самые быстрые ковры-самолеты, – ответил Лесандр, – на одном из них ты сможешь вернуться на Землю!

Двадцатый слишком долго думал, что ответить, широко раскрыв от удивления рот, он принялся рассматривать собеседника круглыми от ужаса глазами. Лесандр был высок и строен, с карими выразительными глазами и светло-русыми прямыми волосами до плеч. Его лицо, загорелое и мужественное казалось простым и, из-за его улыбающихся добрых глаз, по-детски наивным. Но

Двадцатый искал признаки безумия и полоумства, совершенно не обращая внимания на дружелюбную улыбку собеседника.

«Тряпка-самолет? Да он хоть раз слышал про чистый вакуум и невесомость?» – недоумевал про себя парень.

– Ну... спасибо! Отличная идея! Зачет! – промямлил Двадцатый, – а тебе-то что там надо?

– Я полечу будить спящую принцессу Аир, – улыбнулся Лесандр, – тот, кто ее разбудит – возьмет себе в жены! А мне как раз пора жениться!

– Класс! – буркнул Двадцатый, он уже сидел за столом и запихивал в рот большой горячий пирожок. Ему показалось, самое страшное, что может случиться на этой планете, это покупка у гоблина Расима или спонтанная женитьба, – когда стартуем?

– Скажу по чести – мы должны были это сделать три часа назад, пока Солнце яркое не стало жарким, – ответил Лесандр, запястье его правой руки было обмотано свежими бинтами, – но ты так крепко дрых – из пушки не пробудишь! И грезил о Земле...

– А что с твоей рукой? – неожиданно спросил Двадцатый, указывая на обмотанное запястье и пытаясь вспомнить события этой ночи – он отчетливо помнил костер, седовласого певца-гуслеяра, то, как разговаривал по видеофону с Третьим, но потом... потом был абсолютный мрак.

– Вчерашний орк меня поранил, – шепотом объяснил Лесандр, пряча забинтованную руку под стол, с видом, будто из-за печки вот-вот выскочит зеленый великан и присоединится к трапезе. На одном из его тонких пальцев Двадцатый заметил знакомое золотое кольцо с большим кроваво-красным камнем.

– Да... зеленый здоровяк радиоактивный, – землянин обхватил голову руками, пытаясь вспомнить произошедшее, но, к счастью, или, к сожалению, в то время он уже был изрядно пьян, – меня вырубило...

– Я с вами в край пустынный полечу! – услышали они звон колокольчиков, и на столе среди пирожков и крынки молока появился маленький Тилль, – в городе куплю себе новую звонкую свирель!

– Ну, хорошо, ты легок и забавен! – согласился Лесандр, расстилая на деревянном полу пестрый ковер-самолет, – пусть эльф нам принесет удачу!

После этого Двадцатый, со множеством недовольных писков и визгов, спешно умылся ключевой студеной водой и, по убедительным просьбам собравшихся, все-таки надел свой красный кафтан и шаровары, хоть и задом наперед. Вскоре все трое сидели на ковре, послушно парившем в полуметре над мягкой травой в саду, заботливая старушка подала им завернутые в полотенце горячие пирожки.

– Будьте осторожны, внучата! – кричала она, маша им вслед морщинистой натруженной рукой.

Тут сердце двадцатого передернуло – неужели так может быть, для этой милой доброй старушки действительно становились внуками все, кто только посещал ее крохотный уютный дом, утопающий в зелени и цветах.

– Я буду звать тебя Макс! – сказал Лесандр, когда они кружились над крышами, красными от черепицы, – в Неливерии даже у лошадей есть имена!

– Принято, – согласился Двадцатый, он был не в силах оторвать свой изумленный взгляд от крохотных домиков, дорог, садов, которые остались внизу под ковром, – теперь у меня есть не только номер...

С высоты птичьего полета Неливерия показалась ему еще прекрасней – золотые поля, изумрудные луга, блестящие серебряные реки и стройные густые леса.

– А что там внизу? – указал он на разноцветные купала шатров, между которых тянулись длинные ряды столов, заваленных всякой всячиной – фруктами, овощами, пирогами, конфетами, чуть подальше – кафтанами, сапогами,

коврами и оружием. Среди них с огромными тюками и доверху набитыми корзинами шныряли тысячи разношерстных посетителей.

– Это главный воскресный базар! – ответил Тилль, – у вас на Земле их не бывает?

Лесандр в это время снижал ковер все ниже и ниже, прищуриваясь и напряженно вертя головой, он пристально всматривался в плотные ряды торговцев, будто кого-то искал.

– Базаров нет, маркет есть! – ответил Двадцатый, он так же, как и Лесандр стал пристально разглядывать пеструю толпу, только единственной его целью был неподдельный интерес.

Деловые пузатые купцы пили пиво, жевали финики и тут же, прямо среди груд заморских товаров, заключали сделки и подписывали договоры стройными гусиными перьями. Покупатели кидались к цветным витринам, как пчелы на соты, купаясь в чарующем миру скидок и выбора.

Взгляд Двадцатого привлекли два долговязых высоких парня с одинаково грубыми, словно неотесанные полена, лицами. На них были лишь синие, замасленные шаровары и высокие, зеленые от сырости, сапоги, так что каждый мог видеть, как под их серо-голубой кожей играли стальные богатырские мышцы. Их мощными действиями умело руководил маленький рыжий, чрезмерно бородатый купец, как и положено, в расшитом дорогом халате.

Его серо-синее лицо за минуту принимало несколько десятков выражений – от крайнего недовольства до полнейшего умиления и необычайного восторга. Троица стояла около большого бассейна со светло-бирюзовой чистой водой, кишасей всевозможными морскими обитателями, а именно, сверкавшей на солнце чешуей, рыбой.

Именно по указу маленького рыжебородого купца один из троллей схватил в воде огромный, самый красивый хвост с нежно-лиловыми плавниками и вытащил из бассейна... русалку. Зеленоволосая девица громко взвизгнула и отве-

сила обескураженному троллю звонкий подзатыльник прямо по лысине своим трепещущим мокрым хвостом. После чего она была тут же отпущена обратно в бассейн, и все свидетели произошедшего громко рассмеялись.

– Глазам своим не верю! – землянин говорил истинную правду, пялясь на невиданную пару, – сильнейшая мутация! Скорее голография!

– Можешь верить, можешь не верить, брат! – хлопнул его по плечу Лесандр, – они в тебя, думаю, тоже не особо верят!

Двадцатый перевел взгляд на длинную очередь, ведущую в один из шатров. Все, кто в ней стоял, держали под уздцы, кто лошадь, кто осла. В самом ее конце стояла пара мужчин с мускулистым загорелым торсом, который заканчивался белым лошадиным телом.

Кентаврам тоже были нужны подковы, и они послушно ждали своей очереди. Двадцатый учуял запах медовых пряников, в желудке заурчало, через пару минут он сменился ароматом вина, дальше свежей выпечки, цветов, пряностей, фруктов, шоколада.

Шатры и пестрые халаты закружились и заплясали в его зеленых глазах, их ковер-самолет снова набирал высоту и скорость – они летели дальше.

– Маркет? – переспросил Тилль, – а вот коли тебе, допустим, кафтан новый требуется? Ты где его найдешь?

– Я не стану его искать, – рассмеялся Двадцатый, – все, что нужно – это баллы! Дальше все сделает система – и выберет, и закажет, и доставит!

– Что? – закричали разом Тилль и Лесандр, – а как же цвет? Пошив? Ткань? Покров?

– Вы имеете ввиду, модель и бренд? – улыбнулся Двадцатый, – все строго по баллам! Не больше и не меньше!

Далеко внизу пестрым распластавшимся муравейником остался главный воскресный базар. Провожая его любопытным взглядом, Двадцатый чуть не

свернул себе шею и не свалился с ковра. Благо, ловкий и быстрый Лесандр в нужную минуту крепко схватил его за шиворот.

– Рано падаешь, приятель! – улыбнулся он оторопевшему парню, – еще не приехали!

– Спасибо! – поблагодарил его Двадцатый, и тут же закричал, указывая на что-то пальцем, – смотрите! Круто-то как!

Вдалеке между крутыми, почти отвесными скалами были видны стройные башни прекрасного замка, огороженные со всех сторон живописной зубчатой стеной. Над каждой из них развивался яркий флаг, к замку желтой извилистой лентой вела крепкая горная дорога.

– Это дворец моего от... моего короля Ареуса! – Лесандр чуть не сказал «моего отца», что было бы чистой правдой, – великого и мудрого правителя лесов, лугов и полей!

– А там, там внизу, смотрите, – Двадцатый полностью прослушал про дворец – ничего интересного, просто чья-то дача, теперь его палец указывал в совершенно другом направлении, – там сейчас будет драка! Сотня на одного!

– Там сейчас будет урок! – успокоил его Тилль, – видишь, все, кто поменьше в зеленых кафтанах, это ученики, а тот седой и мудрый, это их учитель!

– Что?! – у Двадцатого перехватило дух, в последнем предложении он не понимал смысла как минимум пары слов. С открытым ртом он уставился на группу подростков, «клоны» были младше его – какая растрата энергии, и сидели прямо на траве, окружая плотным кольцом седобородого старика.

– Учитель! Он – кладезь знаний! Готов поспорить, сейчас они снова открывают Неливерию! Или путешествуют в подводное царство с принцем Тиром за ответом для хитрой загадки, – попытался объяснить Лесандр, но тщетно, – кто вам в различные науки открывает дверь?

– Что?! Чип! – выкрикнул Двадцатый, хлопая себя по тому месту, где шея соединялась с головой, – вот тут стоит мой! Без него я нем и глуп, как комп без процессора!

Тилль и Лесандр озадаченно переглянулись – оба помнили свои счастливые школьные годы, лучших друзей детства и любимых учителей.

– Неужели на Земле нет ни одной школы? – озадаченно спросил Тилль, – а кто вас учит честности, справедливости и доброте?

– Отваге и чести? – подхватил Лесандр.

– Это у нас на самообразовании! – пожал плечами Двадцатый, что-то он точно пропустил в своей жизни, – чип вживляют десять минут, удобно и практично! Хочешь больше знаний – плати больше баллов!

Тилль и Лесандр покачали головами – ни эльф, ни принц ни за что на свете не променяли бы свои школьные годы, уроки и перемены, двойки и замечания, экзамены и задания на один воскресный поход на Большой базар, дабы купить у какого-нибудь гоблина-купца, пусть даже и со скидкой, грамм сто мозгов!

Еще много раз Двадцатый, указывая пальцем вокруг, как семилетний ребенок, соскальзывал с ковра, но ловкий и сильный Лесандр вовремя его ловил и возвращал обратно. Хоть половину сказанного Двадцатый и не понимал, а в половину из того, что понял, не верил, изумрудные леса, бирюзовые реки, золотые хлебные поля и голубые озера мигом становились родными, проникая в душу и сердце, от радости хотелось одновременно плакать и смеяться. Вот так паренек, впервые за свою жизнь, почувствовал, что у него есть именно сердце, а не орган номер два, второй после мозга.

Но тут грудь Двадцатого сковали железные тиски, он стал задыхаться, на глаза снова навернулись слезы – только что узнал, что когда-то его Земля была такой же... пока ей не досталась слишком тяжелая и опасная ноша – человек.

Леса постепенно редели, оставляя все больше места для изумрудных лугов, сплошь покрытых яркими цветами, словно пестрый бесконечный ковер. Но

вдруг из-за горизонта резко показалось огромное безжизненное ярко-желтое море, безжизненно спокойное и безмятежное, – ни травинки, ни кустика.

– Добро пожаловать в Великие пустыни, мир бесконечной жаркой тишины! – продекламировал эльф так громко, как мог, – самый первый вечнозеленый оазис – это дворец султана!

– Погодите! Сперва, небольшой привал, – увидев четкую границу между зеленым лугом и золотыми песками, Лесандр стал снижать ковер, снова что-то выискивая, – мы отдохнем, сил наберемся! Я не ношу воду в карманах, здесь должен быть колодец с водицей ключевой!

Заколдованный принц, конечно же, надеялся найти тот самый волшебный, самый глубокий и темный колодец с джином – ведь только тот, кто наложил проклятие, может его снять!

Чтобы поиски были наиболее эффективными, троица решила разделиться – Тилль и Двадцатый пошли в одну сторону, чтобы первый мог присматривать за вторым, Лесандр в другую. Они договорились встретиться через полчаса на этом же самом месте.

– Станный парень этот Лесандр, – размышлял вслух эльф, – такой веселый и, в то же время, столь грустный! Но выглядит так, будто готов броситься за тобой в пасть дракона, если, конечно, не поскользнется по пути!

Лесандр ничего не сказал им про свое проклятие, так как искренне надеялся найти заколдованный колодец первым до полуночи, пока сам не стал ужасным орком, согласно страшному проклятью!

– Эх, я бы воз пороку туда не пожалел! – мечтал Лесандр, бедняга не знал, что те, кто однажды встретился с джином, никогда не найдут колодец снова. Так никто не знал о темной силе, не мог засыпать колодец, и прибывали все новые и новые «клиенты», тогда как от «старых» жалоб еще не поступало!

Конечно же, эльф и Двадцатый наткнулись на него, не пройдя и сотни метров.

Глава седьмая, рекламная акция от джинна. Дубовое счастье

– Мы пришли, здесь клад воды студеной! – обрадовался эльф, порхая вокруг старого заброшенного колодца, из недр которого рождался звонкий студеный ручей и утекал в никуда.

– И это все? Похоже на канализацию! – удивился Двадцатый, он нагнулся через каменный обветшалый обод и глубоко внизу увидел черную гладь воды. Повеяло холодом и сыростью. Парень ничего умнее не придумал, как туда плюнуть и ждать, что же изменится.

– Что же ты делаешь, негодник? – сердито закричал на него эльф, – отсюда люди пьют! Пошли сейчас же искать Лесандра!

–Ой... я не знал! Подумаешь, горе-то какое – все равно фильтровать надо! Извиняй! – буркнул Двадцатый и снова заглянул в колодец – теперь посреди черной глади горели два огромных кроваво-красных глаза. Улучив момент, когда эльф нагнулся попить из вытекающего чистейшего ручейка, Двадцатый что есть мочи зарядил камнем прямо промеж этих огромных глаз на дне.

Эффект был потрясающий – магический джинн взвыл от боли на всю «канализацию» и мгновенно показался над колодцем. Огромное – метра два в высоту, ярко-синее, как небо, создание, парило в воздухе, словно большое светящееся облако. Джинн высунулся из колодца по пояс, хорошо была видна его большая голова в чалме, раскрытая широкая грудь, а ноги же, очевидно, упирались в дно колодца.

По суровому лицу невозможно было определить его возраст – черная, как смоль борода сплетена в тугую косичку, а жадные красные глаза ярко горели под густыми черными бровями. Двадцатый вскрикнул что-то неприличное, а Тилль с шумом выплюнул набранную им студеную воду.

– Здоровья вам, смелые путники! – заговорил громким загробным голосом джинн, каждое его слово гулким эхом отражалось от дна, – зачем в колодец мой, студеный, плюете и швыряете камнями? Куда идете и чего найти желаете?

– Это не я! – промямлил Двадцатый, тарашась на джинна, словно на кентавра с русалочьим хвостом, уж он-то, как заправский землянин никогда не перепутает «волшебство» с радиацией, – не вызывайте полицию, отправляйтесь в офис! Ээ... мы уже уходим!

– Уходите? Так скоро? – удивился дух, черные брови поползли на широкий лоб, – еще только начало разговора!

– Вот это мутация! – восхищенно выдохнул Двадцатый, разглядывая сверкающую поверхность джинна, – долго в реакторе загорали?

– Мы держим путь к Великому султану! – наконец, ответил эльф, – чтоб дочку старшую его, Аир прекрасную, от сна освободить! И чтоб свирель мне сладкозвучную купить!

– Что ж, как мало вы желаете! – улыбнулся джинн, в одной из его рук появилась маленькая тонкая дудочка, размерами, как раз впору эльфу, – есть инструмент волшебный у меня! Как только ты начнешь игру, вмиг принцесса проснется от сладких звуков чудных! Но только осторожен будь, малыш, – полюбит она первого, кого глаза открыв, увидит!

С этими словами хитрый дух протянул волшебную свирель радостному эльфу, и добавил себе под синий нос, – принцесса-то проснется без сомнения, да весь дворец уснет без промедления!

Эльф был вне себя от радости – столь тонкая, почти ювелирная работа, столь легкий и добротный инструмент.

– Чего желаешь, юноша прекрасный, – обратился джинн к онемевшему Двадцатому – теперь была его очередь загадывать свое единственное роковое желание, – оружие ли? Счастья? Иль коня? Любви горячей? Проси, что хочешь у меня!

Под металлическими волосами парня лихорадочно заработал мозг – он поверить не мог в столь щедрую рекламную акцию!

При слове «оружие» перед его испуганными глазами пронеслась ядерная установка, или лазерный пучок – совсем некстати на этой мирной планете. Что такое «конь», Двадцатый плохо представлял, что-то вроде биомеханоида, такого маленького рыжего с хвостом.

А слово «любовь» его пугало сильнее всех, да еще и в сочетании с прилагательным «горячая».

– Давай мне счастье что ли, – неуверенно произнес он единственное знакомое ему слово, представляя огромный медовый пряник или большую фруктовую конфету, – да так, чтоб я не сожрал его за раз!

Джинн и эльф жутко удивились, но затем первый, взяв себя в руки, все-таки произнес:

– Хорошо, юноша! Вот тебе счастье несъедобное, дубовое, – носи его всегда с собой и счастлив будь! Срок действия моих товаров чудных немногим дольше, чем мой век, – на четверть часа! А я, повторю специально для вновь прибывших с Земли, между прочим, бессмертен!

Двадцатый насторожился – откуда этот промоутер из канализации знает, что он именно с Земли? Наверно, виделись в социальной сети...

Джинн надел на шею остолбеневшего Двадцатого обычный лесной желудь на грубой суконной веревочке.

– Аа...спасибо! – поблагодарил парень за сомнительный подарок, он был немного огорчен тем, что ему не дали пряник, – никогда не сниму и... уж тем более не собираюсь есть!

– Конечно, ты не снимешь! – засмеялся про себя джинн, исчезая на дне колодца, – коль, если снимешь подарок мой, несчастным станешь в тот же миг!

Тилль, что-то насвистывая на новой дудочке, и Двадцатый, пробуя желудь на зуб, направились к тому месту, где они расстались с Лесандром, тот при встрече лишь грустно покачал головой – ничего не нашел.

– Мы нашли колодец, друг! – радостно сообщил Тилль, размахивая в воздухе новенькой свирелью.

– И не только его! – загадочно прибавил Двадцатый.

Он все еще недоумевал, чего только не продается на этой планете – и яблоки, и русалки и это... счастье! Только вот с последним его откровенно надули – настоящий хлам, словно обещали отличные брюки, а продали юбку... надо было просить топливо для Макса!

Однако, как бы не спешили путники, на том месте, где только что стоял старый глубокий колодец оказалось пусто, лишь маленький ручей по-прежнему весело бежал среди камней.

Лесандр бросился к ключу, зачерпнул ладонями студеную воду и принялся жадно пить.

– Встанем здесь на ночь! – не то предложил, не то скомандовал он.

Бедняга метался, как загнанный зверь – до полуночи осталось меньше трех часов, скоро его друзья в ужасе разбегутся – лучше быть дураком, чем орком – сразу не видно! Жаль, что рядом не оказалось ни одного колодца – Лесандр бы в него с радостью бросился, чтоб навсегда потопить свою страшную печаль! Хотя, днем этого бы не допустил Двадцатый, он бы крепко держал принца за шкурку, а вот ночью... ночью, пожалуй, сам первым бы столкнул его в колодец!

А пока все трое сидели под вечерним небом около большого жаркого костра, уплетая за обе щеки бабушкины пирожки и запивая их студеной ключевой водой.

На черном небосводе ярко светила полная луна, весело перемигивались с ней звезды, в траве стрекотали кузнечики, и шныряли над головой летучие мыши. Спать никто не хотел – Двадцатый долго рассказывал «небылицы» о Земле, вызывая страх и возмущение своих собеседников. Про то, как ел таблетки, спал в шкафу, вырос без детства и родился без матери!

– А кто ж вас судит? – наконец, спросил Лесандр, внимательно разглядывая лицо Двадцатого, почти уверенный, что все эти истории с интернетом и электричеством полная чушь.

– Виртуальная система правосудия! – ответил Двадцатый, ему нравилось, как расширяются от удивления зеленые и карие глаза, – огромный сверхмощный компьютер! Он хранит в базе информацию о каждом чипе, фиксирует все перемещения!

– Что?! – снова в один голос вскричали эльф и принц, – опять... машина?!

– Как могут яйца курицу судить? – спросил Лесандр.

– А как судят у вас? – недоумевал Двадцатый, не понимая при чем тут курица.

– Чем страшнее преступление – тем больше судей! Ты можешь взять свидетелей и своего защитника, а так же всех, кто могут опровергнуть твою вину или же подтвердить ее! – объяснил Лесандр, – виновных секут на площади, особо провинившихся лишают головы!

– Так у нас примерно тоже самое! Если система вычислит тебя не в то время, не в том месте – ты заплатишь штраф баллами, если не сможешь заплатить – сотрут память под ноль!

После этих слов все трое решили резко сменить тему – Лесандр стал хвастаться победами в своем первом... и последнем турнире при дворе великого султана в честь его старшей дочери Аир. Он, с энтузиазмом жестикулируя, с упоением и гордостью рассказывал, как с легкостью победил верзилу-кузнеца, как оседлал буйного кентавра, как таскал за хвост орочью виверну – грозного большого дракона, а под самый конец положил на лопатки семеро лучших бойцов!

– Прошел невредимый над пропастью через семь огненных колец, – хвастался Лесандр, – да все напрасно...

Тилль слушал истории, раскрыв рот, а Двадцатый неоднократно заставлял Лесандра ходить на руках и делать в воздухе сальто, как доказательство его прыти и ловкости. Во время одного из таких упражнений, землянин заметил на шее у принца большой орочий клык.

– Это что за ерунда? – громко спросил он Лесандра.

– Сам ты ерунда, – засмеялся тот, – это мой личный амулет, приносит мне силу и ловкость, и улучшает пищеварение!

– Наверное, энергетик, – подумал про себя Двадцатый и добавил, – а ну-ка сделай еще раз сальто!

– А ну-ка, давайте-ка спать, добры молодцы! – вмешался Тилль, его зеленые глазенки слипались, а рыжая кудрявая голова падала на грудь, – а то завтра нас не разбудит сам султан!

Все согласились, особенно Лесандр – до полуночи осталось не больше часа, и тут же, под звездами, улеглись на мягкой траве.

Вскоре Двадцатый услышал монотонное посвистывание спящего эльфа и тихий храп Лесандра, принц уснул, сам того не желая. На свежем воздухе оба спали, как убитые, только лишь ему одному землянину не спалось. На яркую луну смотреть было больно, и он смотрел на звезды.

– Странная штука эта Неливерия – куда не пойдешь, везде накормят, где не ляг – везде кровать, куда не глянь – кругом дом! – рассуждал про себя парень, он только что вспомнил, что уже вторые сутки не заходил в социальную сеть, – видел бы меня сейчас господин Сорок Седьмой – стер бы память, не смотря на хлопоты господина Бабушки, человека-бабочки и этого супермена Лесандра...

Он поежился – скорее всего, так бы и было, во-первых, он нелегально покинул свою галактику, во-вторых – теперь он знает слишком много.

– Ничего себе... меня занесло, а говорили без загранпаспорта далеко не улетишь! Теперь я не вернусь на Землю, – твердо решил он про себя, видя, как

по ночному черному небосводу прочертила путь падающая звезда, странно, но перед смертью даже звезды светят ярче, – мне больше некуда возвращаться!

Двадцатый перевернулся на другой бок, горячая жгучая слеза обожгла его правую щеку, на его сердце кровоточила рана.

Он посмотрел на часы – без пятнадцати полночь, вдруг, его зеленые глаза остановились на белом остром предмете, лежащем на траве рядом с Лесандром – магический орочий клык, тот самый, что придает его хозяину неповторимую ловкость и силу. Двадцатый внимательно посмотрел на заколдованного принца – тот спал, как убитый, ведь перед этим не спал три ночи.

– А что если...– землянин не закончил фразу, он осторожно встал и снял со своей шеи крупный желудь, подаренный ему джинном, – от этого хлама все равно никакого толку, а с его пластмассовой штукой я хоть на руках ходить смогу! И в нос кому надо въеду!

Сказано – сделано! Двадцатый осторожно поменял амулеты местами, предпочтя ловкость счастью – Лесандр сладко улыбнулся во сне.

Первое, что сделал землянин – тут же встал на руки и прошелся по траве. В этот самый радостный момент, стоя вверх тормашками, он с ужасом заметил, что вместо статного Лесандра на траве храпит гигантский зеленый монстр в кожаных доспехах. Проклятье сработало – теперь принц навсегда останется чудовищем, а Двадцатый больше никогда не будет счастлив.

Напуганный землянин осторожно перевернулся на ноги и, напрочь позабыв о том, что на его шее висел амулет силы и ловкости, моментально схватил сонного Тилля, благо он был легок, прыгнул на ковер-самолет и полетел в направлении белоснежного дворца, появившегося в ту же минуту в лунном сиянии на горизонте.

Его сердце отчаянно билось, дыхание застряло в груди – он вспомнил, где раньше видел этого ужасного монстра – сначала в лесу, потом у костра в деревне.

– Куда несемся мы так рано и так скоро? – сонно спросил Тилль, протирая свои крохотные глазенки, – и где же храбрый наш Лесандр?

– Мы летим в-о-о-н в тот домище! – ответил, не глядя, Двадцатый, – и это не Лесандр никакой! Это мутант трансформируется в Лесандра и преследует меня!

После чего он подробно рассказал эльфу о своих встречах с орком, естественно благоразумно умолчав о том, как сам поменял местами амулеты. Тилль призадумался, сидя на краюшке ковра – он никак не мог поверить в услышанное. Ему казалось, что какая-то страшная колдовская сила превратила Лесандра в жуткого зеленого монстра, а не наоборот – ни один орк не смог бы так долго продержаться без драки! Разве что влюбленный...

– Мы неправильно держим курс! – вдруг вскрикнул эльф, указывая пальцем на белоснежный дворец впереди, – это мираж!

– Что? – недоумевал Двадцатый, чуть не перевернув ковер.

– Мираж! – повторил Тилль, указав крохотной ручонкой в другую сторону, – истинный дворец там!

Землянин резко повернул голову – и точно, там тоже стоял дворец, не менее реальный и прекрасный! Точь-в-точь, как тот, к которому они сейчас неслись над барханами, посеребренными луной.

Недоуменно хлопая длинными ресницами, Двадцатый резко сменил курс, последний раз обернувшись в сторону миража – теперь там было пусто!

– Что за голографии! – процедил сквозь зубы парень, – ни навигатора, ни указателей, ни разметки!

– Не гони так ковер, юноша! – посоветовал эльф, – издали цель всегда кажется ближе!

– Тьфу! – эмоционально ответил парень.

Глава восьмая, про внезапный тихий час. Беспокойство в покое

В глубоких раздумьях и тяжелом молчании прошел остаток этой ночи, лишь свободно парящий огненный дракон скрасил угрюмое молчание путников.

И только к завтраку, которого не ожидалось, наконец-то, впереди засверкали белокаменные стены великого города. Как и предсказывал Тилль, это был огромный цветущий оазис – удивительный зеленый островок жизни среди безжизненных песков.

Белокаменные стены домов, белые крыши, дороги, верблюды и лошади, белоснежная одежда жителей, но белее и ослепительней всего, словно горный искрящийся снег, сверкал сам дворец великого султана с огромными белоснежными, словно сахарными, куполами. На фоне господства белых тонов ярко выделялись изумрудные резные листья высоких пальм, лазурная гладь бассейнов и фонтанов.

Неожиданно коврик наших путников обогнал длинный воздушный караван из двенадцати широких ковров, провисших под тяжестью купеческих товаров – огромные кучи пестрых одежд, посуды, подушек, среди которых торчали острые лезвия мечей и наконечников стрел, сверкающих на солнце.

– Я, кажется, знаю этого менеджера, – начал было Двадцатый, показывая пальцем на проносящуюся мимо высокую белую чалму, из-под которой неуклюже торчали два знакомых гоблинских уха и зеленый нос крючком, – у него всегда дисконт!

Но торговец, по всей видимости, не узнал своего давнишнего клиента, Тилль расстроено покачал головой – не к добру засверкало на солнце оружие, только с металла так легко стирается кровь...

Путники не заметили, как они уже были у высоких ворот белокаменного дворца. У Двадцатого захватывало дух от великолепия садов и фонтанов, окру-

жающих грандиозное величественное здание, на клумбах цвели роскошные цветы, по белым плитам важно бродили павлины.

– Стой! Кто летит? – раздался внизу строгий бас стражников, в белых доспехах и сахарных чалмах, которые сидели на их черноволосых головах, словно миниатюрные копии дворцовых куполов, – стой! Это султанские покои!

Тилль едва раскрыл рот, чтобы ответить, но Двадцатый гнал ковер дальше, даже не притормозив. Он посчитал непомерной глупостью объяснять двум верзилам в белых простынях свои намерения скорее увидеть хозяина роскошной дачи.

– Стой, землянин! Что ты делаешь? – возмутился Тилль, глядя, как стражники натянули тугие тетивы, в воздухе засвистели острые стрелы.

– Пусть себе транспорт купят и летают! – возмутился Двадцатый, уворачиваясь от стрел – благо, ловкости хватало.

В следующую минуту, к великому сожалению и испугу Тилля и непомерному восторгу землянина, их коврик на полной скорости влетел одно из резных окон, едва прикрытое легкими прозрачными занавесками.

В покоях великой султанши, столь же белоснежных, как и весь дворец, было прохладно и уютно. В середине огромной залы находился неглубокий бассейн причудливой формы, возле него сидели покорные служанки, играли музыканты и извивались танцовщицы. На огромной ложе, устланной дорогими перинами и пузатыми подушками, дремала сама великая султанша – довольно объемная женщина с белой мраморной кожей, большими сонными глазами и густыми, черными, как безлунная ночь, волосами. Ее ослиные уши были тщательно вычесаны и надушены, впрочем, слуги уже давно привыкли к секрету царицы и уже перестали хихикать, по крайней мере, открыто.

Но безмятежность и нега недолго царили в покоях, едва ворвались непрошенные гости – раздался громкий крик, танцовщицы с визгом бросились в бассейн, музыканты в двери, сама же султанша вскочила с прытью молодой газели

и засунула свою ослиноухую голову под самую большую подушку. Чем тут же привлекла к себе внимание Двадцатого, который, спрыгнув с ковра-самолета, осторожно подкрался к ней и вытащил из-под подушки, не смотря на все предостережения Тилля, мол тебе отрубят голову до заката и прочию чушь.

Двадцатый отпрыгнул в сторону, как ужаленный – круглое миловидное лицо женщины было обезображено огромными пушистыми ослиными ушами.

– Какая неудачная пластическая операция, – засмеялся Двадцатый, за что тут же получил звонкую пощечину.

Он хотел было дать сдачи, будучи битым по щекам второй раз, но неожиданно обиженная султанша завизжала так тонко и громко, и Двадцатому пришлось использовать обе руки, чтобы вовремя зажать уши.

Тут же высокие двери распахнулись и в приватные покои влетело четыре стражника, двое из них чуть не потеряли свои сахарные чалмы от удивления, уставившись на свою ослиноухую госпожу, как кот на новые тапки. Двадцатый, снабженный силой и ловкостью, которые придавал ему волшебный орочий клык, не мешкая, отправил доблестную охрану к танцовщицам, барахтающимся посреди бассейна, те, как оказалось, были весьма не против.

Окинув залу довольным взглядом, Двадцатый схватил ковер-самолет вместе с полуживым от испуга эльфом и отправился на экскурсию по дворцу, намереваясь найти самого великого султана, с основной целью проверки его ушей – ослиные они или нет?

В соседнем зале, таком же белом и просторном, как и предыдущем, бассейна не было, но стояла пара небольших замысловатых фонтанов. Прямо между ними располагалась высокая кровать, занавешенная легкой полупрозрачной тюлью.

Вокруг нее взволнованно бегал невысокий пожилой человечек в дорогом белом костюме с золотой мантией и чалмой. Под нависшими густыми бровями, сверкали черные глаза, длинная седая борода волочилась по полу. Султаны

уши не были ослиными, однако, оба оказались туго замотаны белой тканью, словно наушниками, защищающими его многострадальные барабанные перепонки. Потому что рядом стоял высокий широкоплечий, словно платяной шкаф, темноволосый юноша и лупил в гигантский барабан так, что, казалось, сотрясаясь весь дворец. Это был принц Фрок, вот уже который день он безуспешно гремел в палатах, пытаясь разбудить свою возлюбленную.

– Хватит! Стоп! Вон отсюда! – замахал руками султан, резко откинув занавески кровати, – спит, как убитая! Скорей дворец развалится, чем моя дочь проснется! Барабаны в топку!

– Может пушку, Ваше сиятельство? – над великим правителем склонился его верховный визирь, высокий сухой мужчина с черной бородой и в серебряной чалме.

– Я и так оглох! Ух, этот дух помойный! Два воза бы в колодец тот навоза! – затопало ногами сиятельство, – прочь всех музыкантов! Больше ни звука!

Визирь учтиво поклонился.

– Сил моих больше нет! – кричал султан, – пиши приказ! С сегодняшнего дня разрешаю считать официальными браки со спящими невестами!

– Но, Ваше Замудрейшество! – визирь снова отвесил поклон, – девицы перестанут спать ночами!

– Они и так не спят! – закричал султан, – и я вместе с ними! Все мое королевство рвется в клочья из-за несносных женихов Аир!

– Его Высочество сказал музыканты вон! – закричал визирь, увидев растерянного Двадцатого, держащего на ладонке маленького эльфа с крохотной свирелью в руках.

– Ладно уж, пусть играет, коли умеет! Вряд ли его свистульку я услышу, – вздохнул султан, оглядывая Двадцатого с головы до ног, – ты принц или сын торговца, юноша? Владения какие у твоего отца? Хотя, какая разница!

Двадцатый отчаянно закивал головой – он всегда так делал, когда спрашивали о доходах, а Тилль легко спорхнул с его ладошки и приложил маленькую тонкую свирель к губам. Послышались самые нежные чарующие звуки, какие ни один инструмент в Неливерии прежде не мог издать. Султан и великий визирь с улыбками посмотрели друг на друга и закивали головами в такт волшебной музыке. У Двадцатого на глаза снова навернулись слезы, крепкими железными тисками печаль схватила его бедное сердце. Он вспомнил Землю, родной холодный мегаполис и свой корабль. Хоть для мечей и стрел неуязвим, землянин стал добычей тоски и терзаний, оставив покой вместе со счастливым желудом-амулетом.

– Ах! Как сладко ты играешь! – зевнул султан, его глаза закрывались от бессонных ночей, – может дочка и не проснется, но мы-то точно уж вздремнем... эх...

С этими словами он рухнул на пол, объятый крепким сном. Вслед за ним растянулся на полу и великий визирь. Двери распахнулись, вбежали стражники с обнаженными мечами и султанша в высокой чалме, в которой прятались ее нелепые уши.

– Схватить их быст... – она так и не договорила, и, сладко зевнув, растянулась на полу. Следом за ней один за другим попадали стражники, звеня мечами.

А Тилль все играл и играл, наполняя залу волшебной сладкой музыкой и погружая всех обитателей дворца в крепкий сказочный сон. Приезжие же гости с недоумением бегали по бесконечным залам и коридорам, пытаясь найти хоть одного бодрствующего обитателя дворца.

Музыканты лежали в обнимку с инструментами, стража с оружием, слуги с опахалами, повара спали на кухне, уткнувшись лицами в салаты, советники и генералы растянулись в своих кабинетах среди чернильниц, печатей и бумаг.

Тишину во дворце нарушали лишь звуки падающих тел и бесконечный храп на все тона и тональности.

Внезапно, из самой дальней башни потянулся черный едкий дым – слуга, уснув, уронил факел на дорогие ковры, которые тут же вспыхнули. Из высокой белокаменной башни, охваченной огнем, стали доноситься громкие крики о помощи – но никто не спешил помочь, все слишком крепко спали.

Вдруг среди клубов дыма неожиданно появился ковер-самолет, сильно провисший под тяжестью огромного зеленого орка. Это был принц Сандрий, тот самый Лесандр, которого бросили друзья, но не оставили надежды. Проснувшись утром один среди цветов, он долго искал своих спутников.

Но, как только увидел свое отражение в чистом ручейке, он моментально понял, что они его бросили, испугавшись нового столь страшного обличия. Убитый горем, Сандрий побрел вдоль ручейка и наткнулся на пещеру, ту самую, в которой гоблин Расим хранил свои низкокачественные товары. По указу джинна из колодца, зеленый купец должен был продать их все до единого, чтобы вернуть своего отца.

Там, среди груд посуды и тряпья, Сандрий нашел ковер-самолет и, ни секунды не думая, отправился в белокаменный дворец великого султана. Но под тяжелой ношей седока старенький пыльный ковер еле плелся и даже несколько раз опрокинулся, благо, эти ДТП случились посреди пустыни, а не над городом. И потому Сандрий сильно опоздал, а когда увидел черные клубы дыма над башней и услышал крик о помощи, сразу кинулся туда. Первым он вытащил из огня спящего слугу, а затем снова отправился на крик о помощи.

Сквозь клубы едкого черного дыма он увидел прекрасную белокурую девушку в дорогих одеждах, уже лежащую без сознания среди богатых ковров.

Не раздумывая, орк схватил легкий белый платок, что валялся рядом на полу со спящей красавицей и закрыл им свое ужасное лицо. Это была принцесса Зюйдан, младшая дочь великого султана. Сандрий осторожно взял ее на руки и понес по коридорам в безопасное место.

– Кто же ты, смелый рыцарь? – тихо спросила она, приходя в сознание, с интересом вглядываясь в белый платок, – мой отец, великий султан, щедро вознаградит тебя!

– Лицом я не вышел, Ваше Прекрашейство, – прорычал орк, – прошу не снимайте мой платок – до смерти сильно испугаетесь!

С этими словами он отпустил девушку на ноги, порываясь уйти.

– Куда же ты, мой милый друг? – спросила она, дотрагиваясь худенькой белой ручкой до его могучей груди, – ни капли не испугаюсь я лика твоего, коль твое сердце так прекрасно!

И принцесса быстро сдернула платок с орочьей клыкастой морды. Наступила долгая неловкая пауза, Сандрий желал провалиться, не оставляя дыры в полу. После чего принцесса подошла к нему ближе, и, коснувшись рукой его зеленых щек, произнесла:

– Ни капли мне не страшен спаситель мой! Влюбленный орк уже не монстр! Когда другие, лицами милы, сердцами отвернулись от меня!

В дальнем конце коридора послушались шаги – это горожане, увидев черный дым, бежали заливать пожар, как всегда, не вовремя. Спал только дворец, а белый город у его подножья жил прежней жизнью.

– Простите меня, моя принцесса! – прорычал орк, прыгая на свой ковер-самолет, – пора лететь, пока меня тут не нашли и в подземелье не швырнули!

Но девушка не слышала его, она упала на пол, крепко уснув, убаюканная сладкой мелодией. Не важно, как долго будет спать прекрасная Зюйдан, как далеко унесет Сандрия ковер-самолет, они больше никогда не будут прежними, ибо есть на свете сила, на которую не действует ни время, ни расстояние, она дороже жизни, сильнее самой смерти и уж, тем более, заклятий подлого духа колодца!

А в это время в другом конце дворца проснулась старшая дочь султана – всем известная принцесса Аир, прекрасная и холодная, как айсберг. Она осто-

рожно отодвинула легкую занавеску своей роскошной постели и выглянула наружу. Первое, что она увидела, было удивленное, перекошенное от страха лицо Двадцатого, тот, однако, принялся приглаживать рукой свои серебряные волосы.

– Мой милый принц! Столь благородный и прекрасный! – улыбнулась она, ее зеленые глаза сияли, а роскошные черные волосы извивались игривыми прядями на стройных плечах. Как и было задумано хитрым духом колодца, Аир влюбилась в первого молодого человека, который попался ей на глаза после ее долгого крепкого сна.

Двадцатый отпрыгнул в сторону, как ужаленный, его сердце отчаянно колотилось. Прежде он не только никогда не знал любви, но и ни от кого не слышал, чтоб его называли милым. Таких слов не знали на Земле, таких чувств просто не существовало.

– Ээ... что вы имеете в виду, девушка? – с украдкой заглянул он в огромные зеленые глаза принцессы, постепенно наполнявшиеся паникой и ужасом, – с добрым утром!

– Я не красива? Ты так холоден со мной! Как цапля с жабой! – слезы брызнули из ее прекрасных глаз.

– Нет! Ты ее по массе больше! – как мог успокаивал Двадцатый, – и... ты очень даже ничего!

– Ничего? – вскрикнула девушка, – что значит ничего?

Ей писали песни, читали стихи, с ее именем просыпались и засыпали юноши двух царств, за ее улыбку каждый был готов умереть. А тут ей говорят, что она "размером побольше жабы", что, в общем-то, "ничего".

Как порой зла любовь, принцесса не полюбила ни одного рыцаря, не жалеющего жизнь в ее честь, ни одного поэта, дарящего ей свое сердце сквозь строки, ни благородного принца, отдающего за ее руку все королевство.

Зато теперь, когда ее холодное сердечко, наконец, растаяло от нелепой улыбки чужестранца, когда, под его удивленным взглядом, она забывала дышать и, вот, когда она сама бежит к нему, влюбленная и счастливая, ей вдруг объявляют, что все ее чувства и надежды совсем «ничего» не значат.

– Но, я люблю тебя, жестокий и прекрасный! Полюбила с первого взгляда, как глупая! – принцесса бросилась к Двадцатому с распростертыми объятиями, но он резко попятился назад, – ты возьмешь меня в жены? Мы будем жить долго и счастливо, мой милый принц! И умрем в один день!

– Нет... эм... да, конечно, – промямлил он, совершенно не желая умирать ни в один день, ни в разные, – через часок, пожалуй, возьму!

– О, Горгулья! Как жестоко ты смеешься надо мной! – зарыдала она, – чем больше любит сердце, тем острее шутка!

Однако, ее горькие слезы тоже рвали на части душу землянина, злой орочий клык нещадно жег его молодую грудь. О, если бы только Двадцатый не менял местами амулеты, он мог бы быть сейчас так счастлив. Все было так близко – и принцесса, и королевство, какой почет, богатство, уважение... из странников сразу в родню султана! Но, увы, любовь обошла его стороной, посеяв в его юном сердце лишь страх и непонимание.

– Да в этом доме нет ни интернета, ни кондиционера! Идите... спите дальше! – оправдывался он, пятясь назад к окну, для него слово «замуж» звучало так же, как "путешествие в черную дыру", хорошее дело браком не назовут. Выигрывая время, чтобы улизнуть, парень раскидывался пустыми обещаниями, – но я, правда, возьму в жены и тебя, и султана и женщину с пушистыми ушами!

– Да как ты смеешь?! – бросилась на него Аир, но Двадцатый ловко вскочил на свой ковер-самолет и пулей вылетел в открытое окно, подгоняемый сотней невидимых пинков и искренне надеясь, что за нее "выйдет замуж" маленький Тилль.

– Постой! Куда же ты? – кричала ему вслед принцесса, задыхаясь от обиды и слез, – еще ни один парень не сбегал от нее с такой скоростью!

Оставшись одна, она уронила голову в ладони и громко зарыдала на весь сонный дворец. Незаметно, к ней кто-то подошел сзади и ласково обнял за плечи. Она резко обернулась – перед ней стоял высокий плечистый парень с добрым простым лицом и темными кудрявыми волосами.

– Я принц Фрок, моя прекрасная принцесса! – улыбнулся он, почтительно наклонив голову, – как Вам спалось?

О, как же важно в этом мире приходить вовремя, особенно если дело касается любви...

Если бы Фрок только знал, как сильно он опоздал, и как важно было появиться на пару минут скорее, чтоб попасться ей на глаза чуть раньше, чем Двадцатый!

Девушка молчала, в слезах глядя в окно на исчезающую за горизонтом точку.

– Весь дворец великого султана спит крепким сном под невидимыми чарами! – продолжал свой монолог Фрок, не сводя глаз с заплаканной красавицы, его оттопыренные уши ловили каждый звук, слетающий с ее алых губ, – мой отец, великий король Ареус, собирает войско многочисленное, чтоб присоединить к себе ваши земли и стать единым правителем!

– Что же будет с моим спящим королевством? – произнесла дрожащим голосом Аир, оглядывая беспомощным взглядом залу, в которой в обнимку на полу спали султан и великий визирь, – моим отцом? Что же будет со мной?

– Я уже собираю войско, любимая! – с гордостью произнес Фрок, он ждал этого момента, – я защищу твою землю, твой народ и твою честь!

– Даже против своего отца? – изумилась девушка.

– А что мне отец? – возмутился Фрок, – я уже не мальчик! Каждый защищает свой дом! А мой дом там, где моя любовь!

Глава девятая, за огненными воротами. Живая вода

Двадцатый летел над Белым городом, вцепившись, что было силы в ковер-самолет. Все было прежним и фонтаны, и пальмы, и ветер и солнце, но... только он теперь стал другой. Ничто больше не радовало его глаз, нигде не было покоя его несчастному сердцу!

— И куда же мне теперь? — спрашивал он сам себя, отчаянно глядя по сторонам. Вмиг все смешалось на чужой планете, перевернулось все вверх дном. Он закрыл глаза — перед ним продолжала рыдать прекрасная Аир, издали слышался грозный рев орка. Не выдержав, землянин резко их открыл, прищурившись от солнца — внезапно он вспомнил о Земле, о гонках и о верном Максе.

— Дома не так уж и плохо, особенно если будет топливо и баллы, — подумал он, находясь на той же самой планете, где всего один день назад он был абсолютно счастлив безо всякого топлива и денег. Для этого всего лишь нужен был небольшой костер, ночное звездное небо и друзья.

— Реактивная простыня, неси меня в самую глубокую пещеру самой высокой горы на этой планете! Мне нужен их аккумулятор — сердце великого Неливера!

Ковер вздрогнул, резко развернулся и понесся со страшной скоростью к чернеющим на горизонте горам, с вершинами, посеребренными снегом. Именно там, в краю камней и городе огня, находилась самая глубокая из пещер, в недрах которой хранился великий камень.

Двадцатый, ерзал от нетерпения на ковре-самолете, ему казалось, что тот еле ползет, нащупал руками какую-то странную ткань — совершенно невидимую на взгляд, и мягкую, как бархат, на ощупь.

— Так это же тряпка-невидимка! В рабочем состоянии! — обрадовался он, накрывая себя мантией — квадратная тень от ковра, послушно ползшая за ним по раскаленному песку тут же пропала.

Через пару часов непрерывного полета под палящим солнцем Двадцатый был на месте, а именно, перед двумя высокими каменными столбами, исписанными непонятными древними символами.

Между магическими столбами вот уже как несколько сотен лет стояла прочная огненная стена – неугасающее жаркое пламя. Это были единственные в Неливерии ворота в страну гордых орков, по левую и по правую стороны неприступной стеной тянулись безжизненные крутые скалы. Сквозь огненные ворота можно было войти, но нельзя выйти – так орки были надежно заперты в своих каменных пещерах.

Двадцатый призадумался, сидя на уставшем ковре-самолете, который отдыхая, парил над горячим песком прямо перед стеной огня.

Через пару минут раздумий, землянин все-таки преодолел огненные ворота с большим разбегом и диким криком.

Оказавшись по ту сторону, Двадцатый хорошенько себя осмотрел – ожогов не было, лишь только кафтан дымился, да углы коврика – прочный земной костюм не пострадал.

Снова накинув мантию-невидимку, он отправился вглубь скал, легко паря над извилистой горной тропинкой. Она петляла между безжизненных камней, кое-где встречалась чахлая трава и низенькие согнутые деревца. Но вот, наконец, за поворотом он увидел и сам каменный город. Настоящее суровое царство металла, камня и огня. Грубые примитивные жилища с маленькими убогими окошками, словно бойницами, и тяжелыми железными дверьми, впрочем, не запертыми, были выдолблены прямо в скалах. Тут и там на стенах висели погасшие факелы, некоторые из них еще дымились. По узким кривым улицам бродили огромные зеленые великаны, одетые в шкуры животных и кожаные штаны, а некоторые с голым могучим торсом или тяжелых доспехах.

Высокие с черными конскими пучками волос на голове, каждый из них носил с собой оружие, лук и даже щит, и у каждого на плече сидел маленький

зверек, величиной и пропорциями напоминающий хорька. Двадцатый не знал, что это были скравины – довольно умные существа, сожительствующие оркам. Карманные "биомеханоиды" умели не только говорить, но и думать. Они заботились о своих огромных зеленых хозяевах, одновременно выполняя роль и мягкой игрушки, и друга-советчика. При рождении орка ему давался свой определенный скравин раз и на всю жизнь. Зеленые великаны души не чаяли в своих маленьких любимцах, кормили их, причесывали и защищали. Скравинов не дарили и не продавали, как рабов. Потерять его считалось позором. Как старые друзья, орки и их маленькие питомцы жить не могли друг без друга, при этом ссорясь и мирясь до сотен раз на дню, носили их в колчанах, на плечах и в специальных кожаных сумочках.

Орки, бродившие по улица каменного города, почти не разговаривали между собой, зато каждый из них, без умолку, болтал со своим личным скравином. О погоде, о еде, о деньгах, о боях и о всем прочем. Двадцатому тут же бросилась в глаза суровость их быта – ни украшений, ни мягких тканей, ни роскошных садов.

Словно укрепленная военная крепость, динамит с потерянным запалом, народ огня был готов и мог спалить разом всю Неливерию, едва вырвавшись наружу.

Впереди Двадцатый увидел вход в огромную пещеру, около которого стояли, не шелохнувшись, два орка, словно огромные истуканы, сделанные из зеленого камня.

– Отлично! – подумал парень, поправив мантию и направляя туда свой ковер, – секьюрити! Значит, местная администрация!

Внутри пещера освещалась факелами, тут было гораздо темнее и прохладней, чем на палящем солнце. Двадцатый долго колесил по каменному лабиринту, освещенному огнем, постоянно встречая орков в доспехах, закрытые каменные двери, стены, пестрые от высеченных странных знаков. Наконец, он очу-

тился в огромном просторном зале, правильной прямоугольной формы, где потолок, полный сталактитов, подпирали толстые мощные колонны, а по стенам кроме факелов были развешаны шкуры животных и оружие.

В центре стоял огромный круглый стол, каменный, как и вся остальная мебель в пещере-дворце. Во главе стола чинно возвышался огромный квадратный трон, крепко сложенный из дорогих минералов и увешанный шкурами животных. Полукругом около стола стояли двенадцать небольших, но крепких каменных стульев, повыше и пониже, все до единого, устланные шкурами.

На троне сидел небольшой коренастый орк, его зеленая кожа была несколько темнее, чем у остальных. В черной редкой бородке, заплетенной в тугую косу, мелькала седина. Один из острых белых клыков, торчащих изо рта, был отломлен, все огромные уши порваны в драках.

Вождь был одет в сверкающие металлические доспехи, широкие плечи прикрывала шкура убитого льва, у пояса висел тяжелый исполинский меч в прочных ножнах. На правом плече, где и подобает сидеть скравину, находился небольшой рыжий зверек в золотом ошейнике. Его шерсть стояла дыбом после усердных хозяйских начесываний. Скравин стоял на задних лапах, гордо расправив свой пушистый хвост и держась одной лапкой за огромное зеленое ухо хозяина, увешенное множеством золотых серег.

— Осторожней, Иви! — заревел орк, хохоча во все горло, — мне щекотно от твоего хвоста!

— Еще раз вычешешь меня против шерсти, и я прогрызу в твоих штанах огромную дыру! — заворчал скравин, перебегая с одного плеча на другое.

Орки, сидящие вокруг стола, громко рассмеялись. У каждого на плечах или коленях копошились маленькие друзья, под стать большим хозяевам, — у кого-то худой и шустрый, у кого-то толстый и неповоротливый. Вдруг со своего места встал высокий худощавый орк, его скравин мирно дремал на столе

прямо перед хозяином, на нем была кожаная миниатюрная безрукавка, надетая больше для красоты, чем для тепла.

– Великий Норлок! – пробасил орк, ударив себя правой рукой по левому плечу, так орки отдавали честь своим вождям, – источник пересох, мои рабы плавают льды с горных вершин!

Собравшиеся с ужасом переглянулись между собой, понимая, что окончание воды, значит конец жизни. Так как народ огня вот уже как несколько тысяч лет был заперт в горах, отделенный огненной стеной от внешнего мира, то просить помощи было не у кого – никто снаружи даже не подозревает об их беде.

– Нам надо открыть ворота! – вскочил с трона вождь, – вот тогда бы эти неженки за все заплатили!

– Ты же знаешь, хозяин, что это не ворота, а огненная стена – впустит, но не выпустит! – перебил скравин, – она исчезнет, только если кто-то вынесет из пещеры сердце Неливера!

– Но никто из нас не может его касаться! – вступил в разговор другой скравин, толстый и лощеный, как и его хозяин, – остается ждать гостей с той стороны! Или идти в мир иной...

– Жаль, мы выпили все запасы вина! Ваша слава снова бы достигла занебесья!

В этот момент в залу вошли два лысых долговязых орка в одинаковых оленьих шкурах, в руках они тащили огромный медный чан, доверху полный студеной водой. Осторожно поставив его перед столом, они низко поклонились.

– Талая вода, великий Норлок! – прорычали хором рабы, одновременно ударив себя правой рукой по левому плечу.

Скравины оживились, распушив хвосты и забежав по столу и плечам своих хозяев.

– Купаться!

– Холодненькая!

– Разойдись!

– Тихо! – закричал Норлок, ударяя массивным кулаком по каменному столу.

Наступила полнейшая тишина – все орки и скравины замерли в том положении, в котором находились. Вождь быстро встал и проворно достал из-за трона большой серебряный кубок. Два орка-раба тут же наполнили его до краев и протянули повелителю. Тот первым попил своего скравина, а после сам сделал несколько больших глотков. Затем он передал кубок остальным по кругу. Двадцатый удивился, что каждый из зеленых великанов первым поил своего скравина, и только после этого пил сам. Это было довольно трогательное зрелище, пока один из зверков, очевидно, тот, которого больше всего мучила жажда, не свалился в кубок. Послышался пронзительный писк, непристойная брань, а затем дружный орочий смех. Скравин был тут же вытащен и насухо вытерт шкурой горного тигра.

– Отнесите воду женщинам и детям! – прорычал Норлок, когда все закончили пить. Рабы покорно ударили себя по плечу и унесли чан.

– Тихо! Не двигайтесь! – прошипел Иви, водя носом в разные стороны, – я чувствую чужака!

Мгновенно все двенадцать скравинов стали принюхиваться.

– Да это Тори! – засмеялся один из них, – опять мясо не свежее съел!

– Нет, нет! – закричали остальные, водя носами, – тут есть кто-то еще!

Двадцатый, дрожа от страха, сжался под своей тряпкой-невидимкой, ожидая свой скорый бесславный конец в животах у великанов. Что без сомнения произошло бы в течение следующих десяти минут, но, к счастью, в зал вбежала очередная пара стражников, тащивших в руках уже знакомого Двадцатому орка, на жилистой шее которого висел дубовый желудь.

Одежда Лесандра была порвана, руки и лицо все в ссадинах, на поясе болтались пустые ножны. Его ноги волочились по каменному полу, а голова висела на боку, он явно был без сознания.

– Великий вождь! – заревели стражники хором, – дрался на базарной площади, но ничего не украл! Не пьян!

– В каменоломню на неделю! – скомандовал Норлок, – раз силы девать не куда!

Едва он произнес последние слова, как Лесандр ожил, быстро растолкал стражников и бросился к каменному столу.

Все присутствующие вскочили на ноги и обнажили свои исполинские мечи, скрапины хором зашипели.

– Великий Норлок! – закричал Лесандр, все это время он искусно притворялся, – я пришел с миром! Выслушай меня, потом казни! Мне нужно войско! Я сын Ареуса, принц Сандрий, злыми чарами в орка обращенный!

– А ты сам-то держал в руках оружие, принц? – оборвал его вождь, одной рукой беря меч у стоящего рядом орка и кидая его Сандрию, – защищайся! И коли выступишь, я помогу тебе!

С этими словами он обнажил меч и подступил ближе. Двадцатый только сейчас смог рассмотреть его кожу. Каждый ее сантиметр был покрыт ужасными шрамами, от чего она казалась гораздо темнее, чем у остальных собравшихся орков.

Послышался топот ног и звон металла – бой начался. Сандрий дрался отчаянно и смело, ведь он до сих пор не заметил отсутствия амулета-клыка на своей шее и потому был уверен в своей неуязвимости и скорой победе. Норлок был быстр и опытен, он знал множество хитростей и уловок. Всем давно известно, что с возрастом орк, как и вино, становится только лучше. То и дело противники кричали от боли – каждый из них ни раз ранил другого в плечо или

руку. Но, наконец, Сандрий выдохся, стал пропускать удары и Норлок ловко полоснул его мечом по бедру, к счастью, не очень глубоко.

Сандрий упал на пол, теряя кровь и корчась от боли. Норлок ловким движением выбил у него меч и гордо посмотрел на окружающих. Те протянули руки вперед ладонями вниз, призывая добить противника, они ненавидели «неженков» с большой земли. Город назывался огненным и каменным, но не из-за стен и ворот – именно сердца жителей пылали огнем, именно их души были тверже скал. Победителям достается все, потому, собственно, и не оставалось проигравших.

Вождь замахнулся мечом для последнего смертоносного удара, Двадцатый и Сандрий одновременно зажмурились.

– Стой, хозяин! – закричал, вдруг, Иви, подбегая к лежащему на полу заколдованному принцу и указывая когтистой лапой на желудь, – у нас не растут дубы!

Остальные орки подошли ближе, Норлок опустил меч, схватил желудь и сорвал его с шеи поверженного противника.

– Точно! Он с застенного мира! – зашептали собравшиеся, все плотнее окружая Сандрия.

– И у него нет скравина! – закричал кто-то из пушистых зверьков, – где твой скравин? Он убежал или ты раздавил его своей толстой...

– Я сын Ареуса! Я принц! У нас есть кошки для ловли крыс! – ответил раненый орк, – я принесу все что угодно из-за ворот, могучий и всесильный, мне нужно войско, чтобы забрать у великого султана его дочь!

– Как нет скравина? Поменять его на кошку? – запротестовал Иви, пожившись при мысли о ловле крыс, – а кто тебя будит по утрам? Дает советы и смотрит, чтоб ты не напивался?

– У меня когда-то был пес... – промямлил Сандрий, садясь на каменном полу.

– Ха! – хмыкнул Норлок, улыбаясь, – кто же тебя щекочет за ушами? Постоянно сжирает твое мясо и гадит в колчане для стрел?

Орки громко рассмеялись, скравины оскорблено зафыркали.

– Я сын короля! – закричал Сандрий, пытаюсь встать, – я принц!

– Знахаря сюда! Живее! – скомандовал Норлок, – иначе сейчас одним принцем станет меньше!

Впрочем, лекарь так и не появился, а, потерявшего сознание Сандрия уволокли двое стражников.

– Пусть выпится! – проревел Норлок, – и дайте ему воды побольше – он храбро бился!

Но на этом сюрпризы этого дня не закончились – в зал без разрешения вбежал очередной стражник, в могучих руках которого трепыхался самый настырный торговец этой галактики.

– Сейчас же отпустите меня, зеленые варвары! К химерам вашу таможду! – кричал он на весь зал, вырываясь из стальных сильных рук, – и верните все мои товары, хамы!

– Что за хлам ты притащил? – спросил Норлок, с недоверием глядя на Расима, поджавшего уши, – Впрочем, из тебя выйдет неплохой суп...

– Оружие, Великий вождь! – ответил с почтением гоблин, сразу присмирив при слове «суп», – крепкие стрелы, верные щиты и острые мечи!

Стражник протянул Норлоку легкий блестящий меч и пару стрел с острыми наконечниками.

– Хм, неплохо! – великий вождь тут же принялся пробовать пальцем кромку меча, от чего быстро порезался и, по-видимому, остался этим очень доволен.

– Весьма не плохо! – отозвался Иви, безуспешно стараясь перегрызть одну из стрел, – тьфу!

– Что ж, – обратился великий вождь к «великому» торговцу, – сколько у тебя этого добра?

– Две сотни мечей, несколько тысяч стрел и триста щитов!

– О, Горгулья! Это лучшая сделка в твоей никчемной жизни!

– Беру по десять золотых за меч! За стрелы...

– Зеленый тролль! – рассмеялся Норлок, – ты нам отдашь все, наградой мы тебе оставим жизнь!

Двадцатый медленно, крепко сжимая концы своей тряпки-невидимки, стал убираться из залы – сейчас или никогда!

Единственной его мыслью было скорее найти мощный энергетический камень и отправиться на Землю – за три неполных дня он разрушил почти всю Неливерию. Теперь, когда в его сердце больше нет покоя, он с легкостью отравит жизнь всей планете, так же, как отнял сердце у принцессы Аир и погубил Сандрия. Орки, жаждущие воды и крови, огненной рекой сметут все живое и не живое.

Воспользовавшись тем, что все внимание и обоняние присутствующих было устремлено на раненого принца и недовольного торговца, землянин незаметно пробирался на своем ковре-самолете все дальше и дальше в глубь пещеры.

С каждым шагом становилось все холоднее и темнее, изо рта шел пар, факелы теперь встречались все реже и реже – туннель резко пошел под откос, в глубину гор. Двадцатый съехал под мантией-невидимкой, проход стал настолько узким, что его плечи касались холодных стен, белых от инея.

От страха и холода у Двадцатого стучали зубы, он пару раз чуть не врезался в спешащих орков, впрочем, они встречались все реже и реже.

Но вот, наконец, он очутился в кромешной темноте где-то очень глубоко под землей, ему казалось, что он уже пролетел всю планету насквозь. Паренек осторожно стянул с себя мантию-невидимку, слез с дрожащего от страха и усталости ковра и, протянув руки вперед, на ощупь отправился дальше в пустоту.

Через несколько шагов он уже был готов повернуть обратно, в лицо дул резкий ледяной ветер, под ногами трещал какой-то мусор. Вдруг, за следующим поворотом, впереди Двадцатый увидел луч яркого белого света, падающий с потолка на какой-то голубоватый предмет. Подойдя ближе, можно было разглядеть, что он освещал – громоздкий каменный стол, покрытый толстым слоем пыли и таинственными резными знаками. В самом его центре в специальном углублении лежал небольшой камень, величиной с человеческий кулак и по форме напоминающий сердце. Он мерцал холодным голубоватым светом, то ярко вспыхивая, то быстро угасая. Так вот он, вечный аккумулятор, вот оно какое, любящее сердце!

Двадцатый задрал голову вверх – высоко-высоко в потолке, прямо над каменным столом было отверстие, через которое проникал единственный солнечный луч.

– И это все... на всю планету? – усмехнулся Двадцатый, осторожно беря магический камень в руки, – надеюсь, оно... не сильно радиоактивно!

Но рассуждать было некогда – справа от парня в темноте зажглась пара огромных ярко-красных глаз, секунда, и Двадцатый очутился перед гигантской пастью, усеянной острыми ледяными клыками. Камень охранял огромный страшный дракон, древний, как само время, и опасный, как сама смерть, сплошь покрытый ледяной чешуей и с огненными крыльями на спине. Из его ноздрей валил дым, а конец извивающегося мощного хвоста ярко вспыхнул, словно гигантский факел. Огромная подземная зала озарилась красноватым светом – ее стены были полностью покрыты древними письменами, а пол устлан черепами и костями предыдущих «воров».

Кое-где валялось ржавое покореженное оружие тех смельчаков, кто когда-либо отваживался зайти в эту пещеру.

– Это тоже, наверное, принцесса! – подумал Двадцатый, разглядывая дракона ошалевшими глазами, – сто сорок шестого уровня! После свадьбы...

Больше рассуждать было некогда – огнедышащий змей, лязгая зубами и изрыгая клубы пламени гонялся за Двадцатым по всей зале, круша колонны и сотрясая стены.

Но, первый раз, за всю свою многовековую славную историю, чудовище не могло поймать маленького земного воришку – ведь на его шее висел белый орочий клык – сильнейший амулет неуязвимости.

Двадцатый, отчаянно ругаясь и хрустя под ногами сухими костями мертвецов, бросился к выходу, там он вскочил на покорно ждущий своего хозяина ковер-самолет и покинул пещеру со скоростью пули через небольшое окошко в потолке. Миссия выполнена, жизнь удалась!

Но снаружи было не менее дико и страшно – поднялся сильный ветер, солнце скрылось за тяжелыми черными тучами, гремел гром и сверкали молнии.

Однако дождя пока не было, и, Двадцатый, не обращая ни капли внимания ни на суесящихся среди камней орков, ни на приближающуюся грозу, ни на плачущую природу, гнал свой уставший ковер все дальше и дальше в пустыню.

– Это не мои проблемы! – думал он, глядя на камни, катящиеся с трясущихся гор, – что они заводят домашних динозавров!

Вдруг сзади раздался страшный грохот, землянин, прижимая к себе пульсирующий голубой камень, резко обернулся – из жерла извергающегося вулкана вместе с дымом и пеплом поднялся в небо огненный дракон. Страшно и дико смотрелся он, объятый гневом и пламенем, на фоне черных туч, слева и справа от чудовища сверкали яркие молнии.

Два огненных глаза заметили мелькающую на горизонте точку и тут же бросились за ней. Двадцатый чувствовал, что пока камень у него, дракон будет вечно его преследовать, пока не убьет и не заберет то, что так долго охранял. Парень гнал ковер-самолет, как мог, но огнедышащее чудовище становилось все ближе и ближе с каждой минутой.

Глава десятая, бой не окончен. Последняя сказка

– Тряпка-невидимка! – вдруг осенило Двадцатого, и он лихорадочно принялся шарить руками вокруг себя, – она где-то здесь!

В самый последний момент, буквально перед раскрытой пастью дракона, он накинул на себя мантию-невидимку и растворился в воздухе. Дракон лязгнул зубами и резко остановился, озадаченно вертя головой по сторонам. Затем он громко протяжно заревел и, поднимая крыльями в воздух кучу песка, взмыл в черное небо. Это был последний закат Неливерии, за которым больше не будет рассвета!

Землянин, не снимая мантию, благополучно доплелся до того места, где спрятал свой корабль.

В некогда ярком и светлом лесу теперь было темно и тоскливо, напуганные звери стадами куда-то бежали, одновременно со всех сторон слышались плач, вой и стоны. Земля дрожала, деревья с грохотом рушились, все живое в смятении сходило с ума.

Двадцатый жадно припал губами к источнику, тому самому, из которого он первый раз пил вместе с эльфом Тиллем. Тяжесть сдавила его сердце, больно было видеть гибель хоть и не родной, но прекрасной планеты.

Прижимая к себе чужое ворованное сердце, он легко открыл дверь своего родного корабля, поставил краденый камень на место аккумулятора и рухнул в кресло от усталости.

– Добро пожаловать на борт, капитан! – радостно поприветствовал его Макс, включая систему жизнеобеспечения и плотно герметизируя дверь.

Но молодой капитан ничего не ответил – от волнения и усталости он тут же уснул мертвым сном.

А за стенами корабля жуткий ветер продолжал гнуть и ломать вековые деревья, поднимая в воздух огромные тучи пыли и песка. Все живое пряталось, убегало, с каждой минутой теряя последнюю надежду на существование. Ог-

ненный дракон, метался из стороны в сторону в черном небе над лесом, за один выдох сжигая пламенем сотни деревьев.

Король Ареус подступал с несметным войском, словно огромным черным морем, к пустыне, он и его подданные были уверены, что это люди султана украли сердце Неливера.

Его средний сын, принц Фрок, влюбленный в капризную Аир и до смерти напуганный всем происходящим, снял чалму со спящего султана и выступил против родного отца с огромным войском белого города, всеми, кто не спал и мог держать оружие. Вождь орков, Норлок, точно знал, что великий камень находится в руках людей, и потому тоже собрал войско из всех своих подданных, вооружив даже рабов мечами и стрелами, что привез Расим.

Без волшебного камня огненные ворота были открыты всем и каждому в обе стороны. Юный гоблин-купец под страхом смерти бесплатно опустошил свою тайную пещеру, где Норлок нашел кучу оружия и крепкий ремень с огромной металлической пряжкой в виде человеческого черепа для своих штанов.

– Пора загнать людишек в пещеры! – басил он, поддерживаемый ревом своей многочисленной суровой армии, – мы вернем камень и будем править миром вечно и славно!

Следующим утром Двадцатый проснулся поздно и с тревогой взглянул в лобовое стекло – к вчерашним черным тучам, молниям и ветру добавились яркие отблески лесных пожаров. Где-то далеко над пустыней, огненной яркой вспышкой, без устали продолжал кружить встревоженный огромный дракон.

– Доброе утро, капитан! – поприветствовала его система машинным голосом, – аккумулятор заряжен на тысячу световых лет!

Двадцатый заставил себя улыбнуться – теперь, когда у него столько энергии он станет самым богатым человеком на Земле и потому просто обязан быть самым счастливым.

– На ближнюю орбиту, Макс, – скомандовал молодой капитан и добавил себе под нос, – только не оборачиваться! Только не смотри назад!

Корабль задрожал, затем бесшумно оторвался от поверхности, стряхнув с себя ветки и мусор, стал быстро набирать высоту.

У Двадцатого громко заурчало в животе, порывшись в карманах своего костюма он нашел последнюю пищевую таблетку, машинально положил ее в рот и попытался разжевать. Такая же жесткая и безвкусная, как и его жизнь.

Внезапно на глаза навернулись слезы, да сколько же уже можно, – он вспомнил аромат пряников и вкус блинов с маслом.

Но, что же не так? Все прошло удачно – он быстро втерся в доверие к недоразвитым расам, предал друзей и украл самый нужный артефакт. Осталось добраться до Земли и никогда не вспоминать о рае, за три дня собственноручно превращенном в ад.

– Снова не убрал за собой мусор, Двадцатый? – в его ушах зазвучал ехидный голос Третьего, он вздрогнул при звуке своего имени, – я-то думал, ты опять напортачил – истратил кислород и сбрендил! А ты не такой никчемный, как выглядишь, брат!

Двадцатый очнулся – перед ним на знакомом квадратном экране было довольное, красноволосое лицо ухмыляющегося Третьего, который, между тем, продолжал свой монолог:

– Спасибо, за координаты, ошибка системы! Кстати, тебя ищет патруль для срочной утилизации, мне уже заплатили за помощь в твоём розыске! Но, это теперь не важно – мой номер и так войдет в историю! – он самодовольно осмотрелся по сторонам, – неплохая планетка, проложим дороги, построим дома, инкубаторы, пару атомных станций! Я назову ее в свою честь! Патруль быстро вычистит отсюда всех местных, как лазер ржавчину! Поллюйся, как они вышли меня встречать!

– Я тебе не брат! – огрызнулся Двадцатый, внутри все кипело, грудь сжигал не только клык, но и совесть, проснувшаяся впервые, в кампании с обидой и ненавистью, – у нас никогда не было родителей, и ты ничего не знаешь о счастье!

Задыхаясь от гнева, он взглянул в лобовое стекло, и его сердце похолодело. Далеко внизу, напротив друг друга, было два огромных бескрайних моря – черное и белое. Это встретились войска короля Ареуса, закованные в черные латы, и войско султана под командованием принца Фрока, все до единого, в белых чалмах.

Ареус, высокий, широкоплечий, с полуседой бородой, первым поскакал на верном черном жеребце навстречу своему сыну.

– О, сын мой, Фрок! Не я ль водил тебя ребенком за руку? Теперь же в той руке твой острый меч зажат против меня! Как же ты смел разбить вдребезги мое старое сердце? – его лицо одновременно перекосили и боль, и отчаяние и гнев.

– Верни на место сердце Неливера, отец, и отзови войска свои! Да не прольется кровь у братьев! – кричал Фрок, слезы катились по его щекам, – можешь убить меня первым, но я не сдам город, где теперь живет мое сердце и душа!

Двадцатый не слышал о чем они говорили, в его ушах, словно гром, стоял голос Третьего, каждое его слово отдавалось жутким эхом в сердце.

– Хотя нет, зачем терять такую биологическую массу, мы просто сделаем из них рабов, – продолжал Третий, – сотрем память, вставим мутантам новые чипы! Самые прикольные будут сниматься в шоу!

Перед зелеными глазами Двадцатого, полными слез и боли поплыли ужасные картины – леса вырублены, реки осушены, на месте уютного домика бабушки Таи стоит гигантский черный небоскреб, кишущий роботами, словно муравейник. Он представил, как эльф Тилль и сотни других таких же волшеб-

ных и живых существ распадаются на атомы в лаборатории, принца Сандрия, мучающегося в лучах спектрального микроскопа. И от увиденного сжалось его человеческое сердце, а оно все еще было на своем месте, соленые жгучие слезы покатались градом по загорелым щекам.

О, если бы он никогда не участвовал в этой безумной межгалактической гонке на выживание! И хоть у него в руках был такой большой приз, он знал его цену, которая будет мучить его ночами до конца его дней!

– Макс! – позвал Двадцатый одними губами, так, чтобы его не слышал Третий, – включить ускорение... максимальное...

Как ни странно, но на этот раз система не переспросила команду – маленькую кабину стало легонько покачивать в воздухе, спидометр зашкаливал, колеблясь около отметки "первая световая". Как только будет подана команда «Старт», корабль рванет с места с чудовищной скоростью.

– Ты чего паришься? – недоумевал Третий, недовольно вертя своей ярко-лиловой головой, – передаю координаты центру! Запомни этот великий момент, ошибка системы!

Двадцатый сидел, не шелохнувшись, словно примерзший к своему креслу – перед его глазами пробежали события трех последних дней, самых счастливых в его короткой никчемной жизни.

Вот он сидит у костра и слушает сладкие звуки гуслей, затем он летит на ковре-самолете над главным базаром, потом этот синий джинн из колодца, звездная ночь и обмен амулетов. Стоп, дальше вспоминать не хотелось!

Двадцатый больше не слышал слов Третьего, тот уже успел передать в штаб четыре координаты из двенадцати необходимых.

Внизу, два войска, словно две огромных мощных волны, неслись друг на друга, блестели обнаженные мечи и наконечники копий. Брат на брата, сын на отца – многие бросали оружие и останавливались, многие падали на землю.

Снаружи завывал ветер, парень отчетливо мог разобрать в этом вое смех, противный и резкий, словно сама судьба смеялась над его беспомощностью.

Это был джинн, он вылез из колодца наблюдать за боем, который обещал стать последним.

– У меня будет гараж во-о-от там, – засмеялся Третий, – указывая пальцем на маленькую деревушку, где жила бабушка Тая, которая готовила самые вкусные блины в галактике, – этот примитив придется снести!

Двадцатый снова закрыл глаза – перед ним появилось старое опрятное крылечко, утопающее в цветах, в раскалывающейся голове зазвучал мягкий старушечий голос:

– Не смущайся, внучок, наступит твой день и час, когда только ты один спасешь всех нас...

– Прости меня...Макс! – прошептал Двадцатый одними губами, и закричал во все горло, – СТАРТ!

Высоко в небе раздался страшный взрыв, который никогда прежде не видела Неливерия и, может быть, никогда не увидит снова.

Яркая вспышка ослепила оба войска, все, как один задрали головы вверх.

В небе столкнулись два земных корабля, чьи капитаны имели противоположные представления о счастье. Взрывная волна разбросала черные тучи, пропустив на землю теплые солнечные лучи.

Воинов двух войск, так и не успевших схлестнуться в ненужной смертельной схватке, взрыв раскидал по песку, словно чья-то невидимая могучая рука.

Вдруг из-за туч, яркой голубой искоркой мелькнул камень – великое сердце Неливера не погибло во взрыве, а, освободившись, вернулось к родной планете. Воины бросали оружие, обнимались и плакали, вскоре, оба войска смешались, превратившись в огромный белый океан – войска Ареуса бросали свои черные доспехи, а воины султана тут же сматывали для них крепкие белые чалмы из своих плащей.

– Нет! Куда? – кричал джинн, с досады ныряя в колодец, – лети обратно! Кыш! Кыш! Проклятый... а-а-й!

Но маленький храбрый камень угодил как раз в то самое место, где был колодец, оставив на его месте огромную глубокую воронку.

Огнедышащий дракон с ледяной чешуей ястребом кинулся вниз, куда упал камень. Он резко приземлился, поднимая вокруг себя кучи песка, и лег сверху на свое сокровище.

Воины двух войск, были весьма поражены, увидев яркую искру в небе – теперь все знали, что камень снова вернулся домой, но, каково же было их удивление, в момент, когда песчаная пыль рассеялась.

Обе армии замерли на месте, увидев две фигуры – принц Фрок, небрежно бросив чалму у ног, стоял на коленях перед своим отцом, в слезах прося прощение. Он упал на них, моля о смерти, едва прозвучал сигнал к атаке, одинаково не желая жить, как без отца, так и без своей возлюбленной.

– Ничего, ничего! – утешал его Ареус, хлопая по плечу, – просто тебе пора жениться, сынок!

Их обоих накрыла большая квадратная тень – прямиком из Белого города прилетели выпавшийся султан с непокрытой головой и его верховный визирь. Как только сердце Неливера уничтожило колодец с джином, заклятия, все до единого, пропали ровно через четверть часа – минутой больше минутой меньше.

Султан и визирь, не дожидаясь полной остановки транспортного средства, тут же нетерпеливо спрыгнули на песок.

– Что тут происходит? – закричал первый, – где моя чалма и почему моя армия у самозванца?

– Мой сын только что отстоял твою честь, – спокойно ответил Ареус, улыбаясь, – теперь ты просто обязан выдать за него свою старшую...

– Папа, я согласна! – донесся звонкий голос принцессы с еще одного вновь прибывшего ковра-самолета.

– Хм... – удивился султан, – неужели, я, правда, так долго спал?!

– Шапку-то забыл совсем! Голову напечет, старый! – кричала жена султана так громко, что ее, без сомнения, слышали на Земле – ничего страшного, ведь теперь у нее были совершенно человеческие уши.

Следом за ней на песок сошли две красавицы-дочери, черноволосая Аир и златовласая Зюйдан.

Фрок тут же кинулся к своей возлюбленной, впрочем, ее сердце больше не оставалось таким черствым и холодным, как прежде.

Вместе с многочисленными слезами радости, на песок упали первые крупные капли дождя.

Вдруг, где-то совсем близко, за соседним барханом, справа послышался громкий протяжный звук горна. В ту же секунду все обернулись – из-за песков показалась темно-зеленая, словно туча саранчи, кровожадная армия орков. Послышался раскат грома, сверкнула молния – и на небе и на земле начиналась буря.

Впереди огромного войска шли принц Сандрий, все еще в орочьем обличье, и великий вождь Норлок. На его мускулистом плече вертелся верный Иви.

– Хозяин, ты только не геройствуй! – причитал он, – а то, как же я без тебя? Кто меня чесать станет? Ст-о-о-й!

Норлок усмехнулся, он знал, что Иви переживает за него гораздо сильнее, чем за себя, среди орков постоянно встречались случаи, когда вражеская стрела или меч попадали в скравина, закрывающего хозяина своим телом.

Ареус и Тилиф, разом подобрав мечи, подали знак, чтобы подошел кто-то из орочьих вождей. Сандрий даже не остановился, чтобы подумать, впереди он увидел, как блестели золотые кудри Зюйдан. Принцесса тоже заметила своего страшного спасителя и подошла к отцу.

– Орки! – закричал Ареус, не веря своим глазам, – зачем вы пришли?!

– Мы пришли с миром! – закричал Норлок, опуская исполинский меч, он был смел и силен, но, как и любой вождь, считал каждую каплю крови своего народа, – мы хотим воды!

С неба продолжали капать крупные капли, звонко хлопая воинов трех армий по тяжелым доспехам.

Сандрий уверенно и быстро продолжал двигаться дальше, через несколько шагов, он почти вплотную подошел к двум королям и принцу, Зюйдан сама вышла ему навстречу.

– Перед лицом короля Ариуса, принца Фрока и вождя Норлока, а так же трех великих армий я прошу у тебя, многомилостивый султан Тилиф, руку твоей прекрасной дочери! – страшный орк отвесил всем учтивые поклоны.

Аир вскрикнула, великая султанша упала в обморок, а армия Белого города обнажила мечи.

– Но... эээ... – замялся, краснея от гнева, султан, чалма возмущенно сбилась на бок, – но моя Аир уже вроде как помолвлена!

– Мне не нужна Аир! – прорычал орк, вставая на одно колено, – я люблю Зюйдан!

– Ох, ну почему у меня не сыновья! – запричитал Тилиф, – ты в зеркало-то себя видел, вождь? Моя младшая дочь никогда не полюбит орка!

– Я уже люблю его, папа! – закричала Зюйдан, – и я готова выйти за него!

Раздался гром, сверкнула молния, и дождь полил стеной. Страшный орк чудесным образом стал прекрасным принцем Сандрием, желудь на его шее развеялся пеплом по пустыне.

– Я знала, что такое сердце может быть только у принца! – закричала Зюйдан и бросилась в его объятия.

– Нам нужна вода и земля! – заревел Норлок, однако, весьма тронутый происходящим, – и мы ее возьмем сами! В атаку!

Но после нескольких широких шагов вперед, ему пришлось вовремя подхватить свои штаны – блестящая металлическая пряжка, которую он взял у гоблина Расима, растаяла от дождя, как кусок сахара.

Остальные орки бежали «в атаку», размахивая пустыми руками – их мечи тоже были сделаны из малазита, металла, который растворяется в воде.

– Отставить наступление! – смеясь, прокричал оркам Ареус, – хватит войны! Сегодня будет пир по случаю двух свадеб! Приглашены все орки!

Сандрий повернулся к орочьему войску и отдал честь, ударив рукой по плечу со словами:

– Я прослежу, чтобы отныне каждый из вас ел досыта и пил до полна! Я дам вам плодородную землю, чтоб вы смогли сменить мечи на мотыги!

– А я прослежу, чтоб сегодня каждый орк выпил столько вина, сколько смог! – засмеялся султан, – наконец-то, я выдал замуж моих дочурок!

В этот самый момент где-то далеко в соседней галактике, в земной диспетчерской по отслеживанию полетов сидели два молодых человека, одетые в одинаковую темно-синюю униформу, один высокий зеленоволосый, другой плотный низенький с короткими волосами едко-рыжего морковного цвета.

– Сигнал пропал, Восьмой! – жаловался высокий, – мы получили только семь координат из двенадцати необходимых!

– Как пропал?! – неистово тыкал в огромный висящий в воздухе монитор рыжий, – куда они делись? С такими данными у нас три миллиона направлений!

– Увы! Система выдает, что таких кораблей больше не существует! Нет больше и пилотов – ни Третьего, ни Двадцатого! – грустно ответил высокий, – возможно, это направление опасно!

– Запретить полеты в область с этими семью координатами! – скомандовал рыжий, – вся эта история с Неливерией полная чушь!

Так для обеих планет закончилась самая последняя сказка в их истории.

На широкой свадьбе сразу двоих принцев и обеих принцесс великий мудрый старик-гуслир добавил к своей вечной песни новый торжественно-печальный куплет о чужестранце с Земли, кто сделал так, что сказка будет жить вечно, хоть и без него.

И сотни тысяч кубков, наполненных до краев, поднялись ввысь в память о худеньком серебровласом мальчишке с Земли, который жил так мало, но погиб так ярко.

Кто знает, быть может, эта история все-таки произойдет через пару тысяч лет. Это уже зависит от каждого из нас.

А пока никто и не догадывался, что на дне того самого злополучного колодца, среди песка и высохшей тины, среди густого мрака и мертвой тишины широко раскрылся... ярко-зеленый глаз, кажется, правый.

Двадцатый потянулся и прислушался – неужели уже утилизировали? Правой рукой с еще дымящимся рукавом, он снял с шеи орочий клык – тот моментально превратился в белый пепел...

Как бы не был паршив продавец, его товары оказались на редкость хороши, жаль, слегка по завышенным ценам!

Продолжение следует...